

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

О ЧЕМ МОЛЧАТ
ВЫЖИВШИЕ

FUTURE CORP.

Евгений Шапоров
Ирина Владимировна Баранова
Анна Владимировна Калинин
Андрей Владимирович Архипов
Борис Г. Харькин
Сергей Семенов
Дмитрий Дмитриев
Александра Тверских
Юрий Александрович Уленгов
Виктор Давидюк
Андрей Гребенщиков
Артем Степанов
Сергей Чехин
Ирина Бакулина
Дмитрий Юрьевич Манасыпов
Игорь Владимирович Вардунас
Сергей Шивков
Станислав Богомоллов

Метро 2033: О чем молчат выжившие (сборник)

Серия «Метро»

Серия «Вселенная «Метро 2033»»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30814014

*Метро 2033: О чем молчат выжившие Анна Калинкина и другие:
ISBN 978-5-17-106776-2*

Аннотация

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности, на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Герои нового мира нередко рискуют жизнью ради того, чтобы накормить и защитить остальных. Когда они возвращаются из походов, встречающие жадно слушают их истории о невероятных

приключениях, сражениях с мутантами. Но есть вещи, о которых те, кто уцелел в смертельных вылазках, не рассказывают никому. Авторы Вселенной «Метро 2033» попытались ответить на вопрос – о чем же молчат выжившие? Итогом стали истории, которые и вошли в этот сборник – увлекательные, иногда забавные, чаще – страшные.

Содержание

Кровь победителей	7
Сергей Шивков	9
Евгений Шапоров	27
Артем Степанов	43
Андрей Гребенщиков	75
Ирина Бакулина	92
Станислав Богомоллов	116
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Метро 2033: О чем молчат выжившие

Анна Калинкина и другие

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Д. А. Глуховский, 2017

© Коллектив авторов

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Кровь победителей

Объяснительная записка

Вадима Чекунова

Признаюсь, что сборники рассказов я люблю больше всего. Во-первых, уже за то, что их до сих пор не особо жалуют издательства, требуя от авторов, по старинке, «крупной формы». То есть выход любого сборника – это долгожданное событие, это довольно напряженная работа по сбору материала и его «пробиванию» на бумагу. А мои симпатии всегда на стороне тех, кому пробиться непросто. Во-вторых, сам жанр краткой прозы для автора подразумевает особое умение владеть словом. Это только непосвященным в реалии писательского труда кажется, что написать «рассказик» в разы легче, чем повесть или роман. А на деле – попробуй уложи захватывающую дух историю на нескольких страницах... Да тут каждое слово должно быть отточенным, каждая фраза обязана звенеть, как хороший клинок.

Кроме того, если попавшие в сборник рассказы – результат конкурсных баталий и сурового отбора жюри, то каждый текст обретает совершенно особый дух. Образно говоря, в жилах такого сборника течет кровь победителей. А победителям всегда есть что рассказать. И рассказы победителей нам всегда интересны и близки. Мы ощущаем некую общ-

ность с их историями, настоящими или вымышленными – не важно. Главное – дух этих историй.

Если вдуматься, то каждый из нас самый что ни на есть победитель. Например, из сотен миллионов соперников именно нам удалось победить в гонке зачатия и выжить. Родиться, увидеть и попытаться познать окружающий нас мир – это всё тоже не для слабаков. Каждому из нас есть что рассказать.

Ну и самое ценное для меня в межавторских сборниках – это возможность прислушаться к целому хору голосов, оценить их звучание, выделить наиболее любопытные из них. Обрадоваться старым знакомым и запомнить имена новичков, сумевших впечатлить умением рассказать историю.

Чего и вам всем, дорогие друзья, тоже желаю!

Сергей Шивков

Капитан Лавров

– Володенька, если вас не затруднит, не могли бы вы подсветить мне вашим чудо-фонарем? Я понимаю, что аккумуляторы стоят безумных денег и их надо экономить, но обещаю: то, что вы сейчас увидите, того стоит. А при свете факелов эффект будет совсем не тот.

– С превеликим удовольствием, мэтр.

Молодой человек скинул свой рюкзак, покопался в нем, а через минуту в стену туннеля ударил мощный сноп света.

– Возьмите немного левее и повыше, – попросил мужчину, которого молодой человек назвал мэтром.

Фонарь качнулся, свет сначала ушел вниз, спугнув сидевшую на рельсах крысу, затем пополз вверх.

– Стоп! Стоп! Вот так! – пожилой человек подошел еще ближе к стене и указал пальцем: – Видите? Теперь вы видите?

К стене была привинчена гранитная плита.

Владимир молча кивнул. Но, поняв, что из-за мощного луча света его спутник сейчас разглядеть его не может, произнес:

– Да, я вижу, мэтр, отлично вижу!

Пожилый мужчина подошел еще ближе и стал водить

пальцем по выбитым на граните строчкам:

– 13 февраля... такого-то года... на этом месте... в схватке с врагом... так... это тоже неважно... Ага, вот! Капитан Андрей Дмитриевич Лавров, защищая свободу и независимость Красной линии, погиб в неравном бою... Вечная память герою!

Молодой мужчина тоже подошел ближе и внимательно прочитал надпись, высеченную на гранитной плите.

– Аркадий Леонидович, сколько раз проходил здесь, а о существовании этой плиты даже не догадывался!

– Володя, в Метро есть еще немало интересных вещей, о которых вы даже не догадываетесь. Это мы, старики, бродим по станциям и туннелям, смотрим, записываем, запоминаем. И все это – не ради славы. Что нам слава? Это ради потомков, ради будущих поколений! Ради Коммунистической партии Московского метрополитена имени Владимира Ильича Ленина!

– Мэтр, вы прямо как на митинге шпарите! Мы с вами по Красной линии уже целый месяц ходим, и вы сказали, что Проспект Маркса – конечный пункт нашей исследовательской экспедиции.

– Увы, мой юный друг, увы! Здесь, именно на этом месте, наше увлекательное путешествие подошло к концу. Честно говоря, мне даже немного грустно. Это был интересный месяц: спецпропуск, открывающий любые двери, интересные собеседники. Хм, и собеседницы, – в этом месте Ар-

кадий Леонидович негромко захихикал. – Но все хорошее когда-нибудь кончается. Теперь нам надо возвращаться домой. Вам – опять тянуть солдатскую лямку, а мне – садиться за стол и выдавать на-гора определенное количество строк в месяц. Материала мы с вами собрали столько, что я даже подумываю о второй брошюрке. Одной здесь явно не ограничиться. Я напишу работу, которая раскроет тайну капитана Лаврова и представит его в образе, далеком от канонического. Все же хорошо, что типографское дело у нас потихоньку налаживается. Пусть и небольшой типографский станок, созданный гением пролетариата и научной интеллигенции, но все лучше, чем рукописные книги сидеть кропать. У нас, слава тебе господи, не темное средневековье! Вот только боюсь, что после выхода брошюрки история Красной линии – от Спортивной до Подбельского – будет кардинально исправлена.

– Аркадий Леонидович, хотел бы первым услышать от вас этот рассказ. Просто сгораю от нетерпения!

– Володя, хоть вы и простой сержант, приданный мне в помощь, но именно вы станете первым, кто услышит настоящую, а не отретушированную историю капитана Лаврова.

– Мэтр, а разве история капитана Лаврова отретуширована? – удивленно вскинул брови Владимир.

– Еще как, – снисходительно усмехнулся Аркадий Леонидович. – Вот мы проехали по всей Красной линии. Где вы встретили имя отважного капитана?

– Начали мы свое путешествие месяц назад, со Спортивной, где начинал службу Лавров, – начал загибать пальцы сержант. – Во-вторых, школе мальчиков на Фрунзенской присвоено имя бесстрашного капитана. На Комсомольской, его родной станции, есть портрет капитана.

– Отлично, отлично, – благосклонно кивнул Аркадий Леонидович. – Продолжим дальше?

– Пожалуйста, – кивнул молодой человек. – Есть портреты героя на Кропоткинской и Красносельской. На Площади Революции установлена палатка-музей капитана Лаврова.

Луч света, ударивший по глазам идущих, прервал беседу. Исследователи биографии героического капитана за разговором не заметили, как дошли до Проспекта Маркса.

– Стоять на месте! Руки поднять, чтобы я видел! – раздался из-за бетонных блоков чей-то голос.

Мужчины остановились, подняли руки.

– Медленно ко мне по одному! – приказал пограничник. – И без резких движений!

Путешественники подошли к узкому проходу, за которым стоял боец, облаченный в бронежилет; на голове – защитный шлем с опущенным пулестойким забралом. В руках – короткоствольный штурмовой автомат АШ-12, очень эффективное оружие для ближнего боя, рассчитанное на применение крупнокалиберных патронов калибра 12,7 мм.

Проспект Маркса собеседники покинули всего минут сорок назад, но за это время караул блокпоста успел сменить-

ся, поэтому их и не узнали.

Протиснувшись между блоков, Аркадий Леонидович предъявил паспорт гражданина Красной линии. Стоял спокойно, головой по сторонам из праздного любопытства не вертел. Да и чего рассматривать, если все уже давно исхожено вдоль и поперек.

Только все равно было не очень уютно оттого, что со второй линии обороны (четыре ряда мешков с песком высотой под два метра) на них уставились пулеметные стволы. Да, на защиту от врагов и мутантов товарищ Москвин сил и средств никогда не жалел. Особенно если учесть, что в одном перегоне отсюда находился так ненавистный ему Рейх.

– Ваши документы, – обратился к Владимиру один из патрульных.

Сержант протянул свои документы. Караульный взглянул, отдал честь и извиняющимся тоном произнес:

– Извините, товарищ, ошибочка вышла.

– Ничего, бывает, – рассеянно кивнул Владимир, пряча документы во внутренний карман бушлата.

– Как они перед нами расшаркиваются, – улыбнулся Аркадий Леонидович. – Рабоче-крестьянская Красная армия – это сила.

– Мэтр, вы обещали, что я первым узнаю о результатах нашей экспедиции, – напомнил сержант Аркадию Леонидовичу.

– Если обещал, значит, расскажу. Я – человек слова. Пред-

лагаю вернуться в гостиницу, где за сытным обедом и бокалом бургундского я дам подробнейшие ответы на все ваши вопросы. Впрочем, насчет бургундского – это я, конечно же, погорячился. Но по стакану местного денатурата мы с вами, так сказать, накатим.

– Отлично, мэтр, отлично! – воодушевленно воскликнул сержант.

В гостиничном номере – огороженной пластиком комнате с двумя кроватями и столом – сержант снял армейский бушлат, расстегнул ворот гимнастерки. Открыл люк на потолке, отчего в помещении стало гораздо светлее.

– Мэтр, давайте закажем еду прямо в номер. Но с условием, что за все плачу я.

– Володя, мне даже как-то неловко, – деланно отнекивался Аркадий Леонидович.

К этому времени он уже сбросил свою куртку, оставшись в коричневом свитере грубой вязки с высоким горлом.

– Мэтр, я настаиваю.

– Но денежное довольствие сержанта не очень велико...

– Аркадий Леонидович... – с нажимом произнес молодой человек.

– Уступаю грубому насилию, Володенька, – притворно замахал руками тот.

Через десять минут, когда первая порция шашлыка была съедена и запита ужасно воняющей бормотухой местного

производства, Владимир нетерпеливо напомнил:

– Мэтр, вы обещали...

Аркадий Леонидович сделал еще один большой глоток из кружки, вытер сальные губы не очень свежим платком и улыбнулся:

– Пожалуй, Владимир, можно и начать. На станции Лубянка на вечерней поверке в казарме старшина каждый день выкликает имя, стоящее первым в списках части. Как там оно звучит?

«Капитан Лавров!»

«Капитан Андрей Дмитриевич Лавров пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины», – отвечает правофланговый.

И после этих слов в сознании красноармейцев возникает образ человека, короткая, но яркая жизнь которого освещает им путь и служит вдохновляющим примером.

– Аркадий Леонидович, давайте без всей этой идеологической трескотни. Все это может рассказать любой школьный учитель и любой замполит, – прервал собеседника сержант, срывая крепкими зубами мясо с шампура. – Но у этой истории наверняка есть второе дно. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – покачал головой Аркадий Леонидович. – Итак, детство Андрейки Лаврова прошло на Динамо. Вестибюли станции были построены в виде греческого храма, да и в их оформлении были использованы классические каноны греческой архитектуры.

Впрочем, об этом маленький Андрюша ничего не знал. Первое, что всплывало перед глазами, когда он вспоминал тот этап своей жизни, — рулоны свиных шкур, из которых женщины в пошивочных мастерских шили кожаные куртки. Мать почему-то называла их смешным словом «тужурки».

Отца своего мальчик не помнил и ни разу в жизни его не видел. Успел в станционной школе окончить три класса, а потом мать решила, что нечего время попусту на всякую ерунду тратить. И стала брать сына с собой в «швейку».

Через некоторое время на мать, тогда еще молодую и вполне привлекательную особу, положил глаз приехавший за оптовой партией курток торговец с Белорусской-радиальной. С тех пор, приезжая на Динамо, стал он захаживать к Лавровым. Гостинцы приносил, еду, почти новую одежду. Даже игрушки! После семи месяцев ухаживаний сделал предложение руки и сердца. Так в Метро появилась новая ячейка общества.

Семья переехала на Белорусскую. Вскоре на свет появилась младшая сестра — Вика. С отчимом у мальчика отношения не сложились, поэтому со временем он оказался предоставлен сам себе. Сначала устроился на подведомственную Белорусской свиноферму. Потом перешел на грибные плантации. А через некоторое время стал работать у челнока на той же Белорусской-радиальной. Путешествуя где пешком, где на дрезине, побывал на многих станциях. И к своим шестнадцати годам окончательно понял, что можно с утра

до ночи батрачить на хозяина-кровопийцу, но в люди не вы-
бьешься. С трудов праведных... А Андрей Дмитриевич хо-
тел добиться всего, и желательно сразу.

Однажды заехал он с хозяином на Войковскую – сбыть то-
вар. Все стены и колонны на станции были увешаны черны-
ми транспарантами, на которых белой краской был выведен
лозунг «Воля или смерть!».

Довелось там же, на Войковской, послушать дядю Мишу,
который безбоязненно называл товарища Москвина, а до ку-
чи – и всю Красную линию, врагами революционных идеа-
лов. Перед самым отъездом со станции кто-то сунул парню
рукописную листовку, в которой популярно разъяснялось,
почему Москвин – предатель и почему дядя Миша пошел на
тактический союз с Ганзой.

С той самой поездки у парня словно резьбу сорвало. Его
привлекало то, что анархисты обещали всем оружие, патро-
ны, обмундирование, самогон и женщин.

Когда через некоторое время Андрей Лавров снова ока-
зался на станции анархистов, дядя Миша уже превратился в
Нестора, а Войковская – в Гуляй Поле.

Постепенно в голове юноши созрела идея переметнуться
к анархистам, тем более что «третий путь развития», про-
возглашенный руководством Белорусской-радиальной, при-
вел к тому, что экономика станции стала чахнуть, а народ –
разбегаться.

Недолго думая, парнишка сбежал на Гуляй Поле. Там он

оказался словно в родной стихии: кутежи, участие в набегах на соседние станции.

Во время одной из попок Лавров сел играть в карты с рыжим парнем на три-четыре года старше его, которого на станции звали Ржавым. Сначала проиграл свою кожанку и механические наручные часы, которые перед самым побегом украл у бывшего хозяина. Затем – сапоги и пистолет. А под конец проиграл рыжему шулеру собственную свободу. Как это произошло, он совершенно не помнил.

Утром к нему в палатку явился Ржавый и, улыбаясь во все свои двадцать два оставшихся зуба, напомнил о карточном долге. Андрюха сначала не понял, чего от него требуют. А когда собрал мозги в кучку и до него дошло, бросился на Ржавого с ножом...

После этого оставаться на станции было невозможно: слишком много было свидетелей той карточной игры. Пришлось спешно бежать с Гуляй Поля.

Так на восемнадцатом году прервалась карьера начинающего анархиста.

Сержант даже перестал жевать мясо и подался вперед – так интересно ему было.

– А что было дальше?

– Что же было дальше, дамы и господа? А дальше Андрюху занесло на Ганзу, и через некоторое время он оказался на Киевской – телохранителем у крупного бизнесмена Нечета. Но спокойная жизнь нашего героя длилась недолго. Стан-

ции Кольцевой линии только называются Содружеством, но и там подковерной борьбы – выше крыши. К моменту при-
бытия гражданина Лаврова на Ганзу там как раз начался но-
вый передел собственности. Успешного бизнесмена Нечета
заказали конкуренты. Не помогли ни бронированные двери,
ни личная охрана, ни бронежилет. Когда убийцы перешагну-
ли через бездыханное тело Нечета, лежащего с проломлен-
ной головой в луже собственной крови, и вошли в его лич-
ные апартаменты, их ждало глубокое разочарование. Нахо-
дившийся там сейф был уже кем-то вскрыт, а все ценности
из него исчезли. Зато на Красной линии всплыл гражданин
Лавров.

Аркадий Леонидович откинулся на спинку стула, скре-
стил руки на груди и довольно улыбнулся:

– Как вам моя история, понравилась?

– Не может быть! – потрясенно воскликнул сержант. – Ка-
питан Лавров – бывший анархист и подручный Ганзы! Ведь
из каждого утюга звучит, что он родился в простой рабочей
семье, всю жизнь провел на Красной линии!

– Еще как может, – одобрительно покачал головой Арка-
дий Леонидович, хотя трудно было понять, что именно он
одобряет – потрясение своего собеседника или шашлык. –
Но это все только присказка, молодой человек. Красная сказ-
ка апокалипсиса – впереди. Вы, конечно же, помните о том,
кто возглавлял третий зимний поход против Рейха?

– Полковник Курносов.

– Совершенно верно, мой юный друг, совершенно верно. И что же с ним случилось?

– Был убит вражеской пулей в самом начале боя, – ответил Владимир. – Это вам любой младенец в Метро расскажет.

– Полковник Курносов. Дерьмовый тактик и того же качества стратег. Все, что оставил после себя, – дурацкий тост, который придумали его подпевалы во время кутежей: «За нашего гения – Курносова Евгения!» Как известно, Курносков поймал в той заварушке маслинку, а вот переварить ее не смог, – захихикал рассказчик. – Вот только мало кто обратил внимание во время боя, что пуля вошла ему сзади, между лопаток. А что это значит? А это значит, что товарища полковника устранил кто-то из своих, входивших в состав штурмовой группы.

– Не может быть! – потрясенно воскликнул сержант.

– Еще как может.

– Но кто, кто посмел?

– А вы не догадываетесь? – ответил вопросом на вопрос Аркадий Леонидович.

Владимир отрицательно помотал головой.

– Убил его наш с вами герой, рыцарь без страха и упрека.

– Капитан Лавров?

– Бинго! Капитан Лавров! Согласен, звучит невероятно, но это так и есть! Видите ли, Владимир, в метро везде есть глаза и уши. Однажды в одном кабачке я услышал от пьяного инвалида, участника того похода, что капитан Лавров –

никакой не герой, а предатель. Агент Рейха. Вы сами понимаете, что за такие речи в приличном обществе могут и голову оторвать. Спасло мужика лишь то, что он был в стельку пьян, да еще без обеих ног. Инвалида, ветерана войны, прикончить не решились, но из кабака вытолкали взашей. Другой бы на моем месте прошел мимо и забыл, но я сказал себе: «Аркадий, а если это правда? Копни, попробуй. Если все окажется так, как утверждал этот человеческий обрубок, то грянет сенсация. Если нет – ты ровным счетом ничего не потеряешь». Я подобрал беднягу, купил бутылочку – его язык после дармовой выпивки сам и развязался.

– И что вам рассказал этот пьянчуга? – спросил сержант.

– Много чего интересного, – ответил Аркадий Леонидович, одним махом опрокинул в рот содержимое кружки и быстро занюхал хлебной коркой. Крякнул и довольно улыбнулся: – Так о чем это мы? Ах, да, рассказ инвалида...

Пьяница поведал, что во время формирования сводного отряда для похода на Рейх с Кропоткинской прибыло пополнение, среди которого был и Лавров. Когда отряд уже отправился на операцию, полковник увидел Лаврова и заявил, что капитан – завербованный Рейхом агент с позывным «Муллат». (Курносов одно время проходил по ведомству контрразведки).

Но тут отряд наткнулся на вражеский дозор. Завязался бой, во время которого Лавров выстрелил полковнику в спину. Это видели несколько человек. Силы были неравные, по-

этому красноармейцам пришлось сдаться. Пленных разоружили и, к их удивлению, отпустили на родную станцию.

На обратном пути, между Тверской и Проспектом Маркса, солдаты обвинили капитана в убийстве своего командира. Закончилось все тем, что Лаврова отправили на тот свет следом за Курносовым. Орудием убийства стал кусок арматуры, оказавшийся в руках у кого-то из красноармейцев. На месте убийства солдаты оставили хлопцам из Рейха небольшой сюрприз – поставили растяжку.

Вот только никто не мог предположить, что через некоторое время с Проспекта Маркса в туннель зайдут трое мальчишек. То ли мелким воровством на станциях промышляли, то ли решили там поиграть. Не суть. Увидели мертвого человека, лежавшего вниз лицом, решили перевернуть, обшарить карманы... Короче, патруль вскоре нашел наспигованный осколками труп капитана и трех тяжело раненных пацанов.

В это время Красная линия готовилась отметить очередной День Конституции. Для поднятия духа было решено наскоро склепать миф: капитан Лавров в одиночку выследил вражеских лазутчиков, а когда те бросили гранату, накрыл ее своим телом, чтобы спасти детей. Был куском дерьма – стал героем.

– Но это просто невероятно! – воскликнул сержант. – Прошло уже столько времени, никто не подтвердит достоверность ваших предположений!

– Ошибаетесь, Володя, ошибаетесь. Мы ведь не просто так по линии катались. Только время мы с вами проводили по-разному. На Кропоткинской вы к местным шалавам побежали, а я – в мастерские, где имел интересную беседу с рядовым Снегиревым. На Фрунзенской все повторилось: пожилой журналист вел беседу с красноармейцем Казаковым, а сержант обхаживал дамочек в офицерской столовой. Не надо, Володя, не краснейте. Дело молодое, с кем не бывает.

– От вас ничего не утаишь, Аркадий Леонидович, – потупил взор сержант.

– Жизнь меня после Катастрофы потрепала, но волчьей хватки ваш покорный слуга еще не потерял, – самодовольно улыбнулся Аркадий Леонидович. Затем достал из-под кровати свой рюкзак и раскрыл его. Извлек какие-то бумаги, небрежно бросил их на стол.

– Что это?

– Результат моей деятельности за последний месяц. Даже не верится, что я, до Катастрофы работавший в задрипанной заводской многотиражке с весьма неромантическим названием «Вальцовка», все это осилил. Труд моей жизни! Здесь все, Володенька! Имена, даты, рассказы очевидцев. Любой, кто прочтет эти бумаги, вынесет однозначный вердикт: капитан Лавров – человек с весьма темным прошлым и вражеский агент! Вся его официальная биография – миф от начала и до конца! Он грабил и убивал вместе с Нестором, прислуживал на Ганзе, работал на Рейх! Он виновен в смерти своего

непосредственного командира, за что и был убит подчиненными. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит! Занавес!

Выцедив остатки бормотухи, Аркадий Леонидович извиняющимся тоном сказал:

– Володя, я немного устал. С вашего позволения, мой верный оруженосец, я прилягу.

– Конечно, конечно, мэтр! Ложитесь и отдохайте!

Журналист лег на кровать, блаженно закрыл глаза и вскоре захрапел.

Сержант трижды стукнул костяшками пальцев по пластиковой перегородке. Через минуту брезент, служивший в номере дверью, приподнялся, и в комнату вошел неприметный мужчина в пиджаке со смазанными чертами лица. Такого в толпе увидишь – и через две минуты забудешь.

Владимир кивнул на спящего Аркадия Леонидовича:

– Работай, только чтоб все было аккуратно.

– Товарищ старший лейтенант, – ухмыльнулся мужик, – не учите отца детей делать.

Вынул из-за голенища сапога заточку, примерился и воткнул тонкий штырь спящему прямо в сердце.

– Подсадной здесь? – спросил Владимир.

– В соседней каюте обдолбанный лежит. Проснется – даже не вспомнит, как его зовут.

– Отлично, тащи его сюда.

Через пару минут в номере снова появился мужик в пи-

джак. Пятясь спиной вперед, он под мышки тащил какого-то ханыгу.

– Где такого только нашли? – брезгливо поморщился Владимир.

– Погранцы вчера задержали.

– Бросай его на соседнюю шконку. Как уйду, минут через двадцать запускай сюда Зинку, типа пришла в номере убратся. Кричит пусть громко, с чувством. В последнее время что-то халтурить стала, без души работает. В нашем деле так нельзя. Ты ей напomini, из какого дерьма мы ее вытащили. Если соскучилась по родной станции и свиным рылам, так мы ее быстро назад вернем. Желающих на ее место знаешь сколько? От Москвы до Китая раком ставь – не переставишь.

– Передам ей ваши слова, Владимир Константинович. Все будет сделано в лучшем виде, товарищ старший лейтенант.

Владимир собрал со стола бумаги, проверил рюкзак убитого. Ни одна бумажка не должна попасть в чужие руки. Затем из своего рюкзака вынул толстую папку с исписанными мелким почерком листочками. Особый отдел поработал на славу: почерк был один в один с почерком мэтра.

Только на листочках был не рассказ о действительной причине смерти Лаврова, бывшего анархиста и продажно-го шпиона, а очередная порция баек о бессмертном героическом подвиге капитана. Будет вам, Аркадий Леонидович, монография. С предисловием и эпилогом. Но посмертная.

Красная линия никому не позволит прикоснуться своими грязными ручонками к светлому имени павшего героя.

Евгений Шапоров

Не все потеряно

Темнота. Густая, вязкая, как смола, темнота поглотила все.

Тишина. До звона в ушах, головокружительная тишина вокруг.

Эти два явления вкупе дают неопиcуемый эффект. Спустя долгое время пребывания в таком темном и тихом месте могут начаться галлюцинации. Чернильная тьма будет сменяться на разноцветные узоры, сознание начнет рисовать разнообразные фигуры, вытягивая их из глубин разума.

Большинство людей готово отдать многое, чтобы побыть в тишине. Но далеко не в такой. Как будто в уши напихали ваты, а голову обмотали мокрым полотенцем. Едва заметные шорохи с превеликим трудом добивались до барабанных перепонок. И снова затишье.

Мрак, таинственная темень скрывали все, что неуютно людскому глазу. Черная матовая пелена плотно окутывала небольшое помещение.

Шершавые бетонные стены неприятно морозили, если долго сидеть, прислонившись к ним. Холод, темнота и тишина. Единственной радостью для всех была ежедневная многоразовая кормежка. Уже неизвестно, что давали, но «посто-

ьяльцам» нравилось. Не все ели, правда, хотя порой приходилось, лишь бы с голоду не сдохнуть. А сейчас этот холодный куб давил на мозги.

Маслов сидел на полу, поджав под себя ноги и прислонившись к стене. Его перевели сюда недавно, неизвестно для чего. Хотя пока надзиратели тащили Маслова в изолятор, он учуял сильный запах парафина, звон металла и невнятные завывания.

«Неужто к сатанистам попал?!» – судорожно думал Дмитрий, обхватив себя за голову.

Он до сих пор не понимал, как оказался в плену. Комиссар КПМ в звании капитана, выдающийся военно-политический деятель, подающий большие надежды, пропитанный насквозь советской идеологией и просто смышленный молодой человек попал в самую нелепую ловушку. Остановились в туннеле возле перевернутой торговой дрезины, кто-то надел мешок на голову и ударил по затылку. Пришел в себя уже в неизвестном месте, в какой-то клетке, вокруг такие же сооружения и пленные. И пробыл так комиссар Маслов около недели в тесной конуре, пока его не перевели в «отдельную камеру».

«Чего они хотят от меня?» – задавался вопросом Дмитрий.

Неизвестность пугает. Люди боятся не темноты, а того, что в ней. Вот и сейчас Маслов ломал голову над вопросами: где он; кто эти люди, захватившие его в плен; зачем они его

держат здесь?

Долгое время ничего не происходило. Комиссар неподвижно сидел на скамейке. Сколько времени Маслов уже находился в этой комнате, он не знал, просто чего-то ждал. Он пытался прокрутить в голове дорогу, по которой его вели, вспомнить эти запахи и шумы, понять тот неразборчивый для его уха ропот.

Может, это были и не сатанисты никакие? Ведь самый заклятый враг коммунистов – это фашисты Четвертого рейха! Маслов терпеть не мог этих недолюдей и всячески презирал их. Но это не похоже было на тюрьму рейха, для коммунистов у них были предусмотрены особые условия содержания. Голод, пытки, насилие и, как итог, долгая и мучительная смерть. Собственно, красные тоже пользовались подобными методами против своих врагов, но это особо нигде не разглашалось.

Чушь какая-то! Ведь ежедневная кормежка – это не в стиле фашистов.

Маслов в сердцах сплюнул в дальний угол и, прислонившись головой к холодной стене, обреченно выдохнул.

Тяжелые шаги. В длинном коридоре было глухое эхо, делавшее их еще тяжелее. Несколько человек неторопливо двигались по прямому коридору, двое из них, в длинных темных одеяниях, вели третьего, в мешковатой серой одежде, покрытой частыми кровавыми пятнами. На глазах у ве-

домого виднелась повязка, он не видел, куда и как его ведут. Они шли долго, петляли в коридорах каких-то катакомб, ускоряли шаг, замедляли, затем снова ускоряли.

Заклученный еле перебирал ногами. Когда за ним пришли надзиратели, он попытался сопротивляться им, за что был очень сильно и жестко избит резиновыми дубинками. Они вели его в изолятор, но мужчина даже об этом не догадывался. Он до сих пор не понимал, как такое могло выйти, не мог толком сопоставить все произошедшие события.

Его звали Алекс Кальтер, он был гауптштурмфюрером армии Четвертого рейха, одним из лучших ее бойцов. Он сильно отличался от многих офицеров своей находчивостью и правильным использованием знаний, которые он получал от своего отца. Но у любого профессионала рано или поздно случаются провалы, и Алекс не был исключением.

Он двигался со своим отрядом по туннелю между Маяковской и Белорусской, когда их путь преградила перевернутая торговая дрезина. Она с самого начала не понравилась Кальтеру, но гауптштурмфюрер решил проигнорировать свое внутреннее чутье, за что и поплатился. Сильный удар в затылок отключил его, последнее, что мелькнуло перед глазами, – чьи-то массивные ботинки. Когда Алекс пришел в себя, первая мысль была: «Красные суки захватили», но потом его подозрения развеялись, когда он начал получать многократную кормежку.

«Это не в стиле красных, меня бы уже давно заживо зако-

пали», – думал Кальтер, находясь в тесной клетке, глядя на полную миску чего-то бесформенного и неизвестного.

Когда надзиратели пришли по душу фашиста, он первым делом попытался вырваться, за что был сильно избит. Сейчас они куда-то тащили обессиленного Кальтера.

«Да хоть расстреляйте, я к вам ночным кошмаром приду, суки», – усмехался про себя Алекс, чувствуя, как его сознание уплывает.

Надзиратели остановились, послышался тяжелый лязг металла и протяжный скрип ржавых дверных петель. Алекс на миг затаил дыхание, чувствуя спинным мозгом какой-то подвох, и сразу после этого его очень сильно толкнули в спину. Фашист отправился в неконтролируемый полет над бездной, все его тело обмякло, он ждал приближающейся земли.

Бах!

И без того ноющее от боли тело накрыло новой волной, в глазах издевательски забегали яркие фонарики и разноцветные паутинки.

– Эй, красный, принимай соседа! – раздался громогласный бас одного из надзирателей. – А ты, фашист, знакомься, твой новый соседка – красный. Смотрите, не деритесь тут.

Конвоиры одновременно глумливо заржали, их хохот заглушил громкий стук захлопнувшейся двери. Кальтер, недовольно бухтя себе под нос, снял с глаз повязку и снова почувствовал удар, на сей раз били из темноты. Фашист вновь повалился на пол, наблюдая очередной «мультик» с разно-

цветными фонариками и паутинками.

– Сука фашистская... – злобно процедил таинственный коммунист.

– От суки слышу! – взревел Кальтер, сжимая кулаки, и яростно кинулся в темноту.

* * *

Неизвестно, сколько времени заключенные избивали друг друга, разнимали их подоспевшие надсмотрщики. Хотя «разнимали» – это громко сказано, они просто избили обоих и покинули камеру. Сейчас фашист и коммунист сидели по разным углам комнаты и напряженно меряли друг друга взглядом. Они видели в темноте, их глаза горели от ненависти.

Трехконечная свастика.

Серп и молот.

Кальтер сидел, откинув голову назад, из носа рекой лилась горячая кровь. Он то и дело насмешливо шмыгал, вытирая рукавом багровые ручьи.

Маслов злобно скалился, глядя на своего врага. Он слышал его, чувствовал, ненависть переполняла коммуниста, придавая новые силы. Красный хотел вцепиться в глотку этого фашиста и разорвать его на куски. Да вот только надсмотрщики обещали вернуться, если заключенные снова устроят драку.

Пленники молча сидели и пилили друг друга взглядами. И снова тяжелая тишина заполнила маленькую комнату. Только сейчас в воздухе витали ненависть и злость. Эти два чувства разгоняют все на своем пути, будь то непроглядная темнота или глухая тишь.

Кальтер сидел, прислонившись к стене, кровь перестала хлестать из носа. Маслов, напротив, отодвинулся от холодных стен, уж слишком долго до появления соседа он жался к ним. Шло время, а двое все продолжали молча сидеть и пилить ненавистным взглядом друг друга.

Пропитанные с ног до головы своими идеологическими убеждениями и противоположными взглядами на жизнь, они не могли находиться долгое время друг с другом в замкнутом пространстве. Ярый коммунист и бешеный фашист. Маслов и Кальтер молчали. У них не было иного выбора.

Первым сломался капитан Маслов:

– Сука ты... передадим мы вас, как клопов. – Но в ответ Алекс Кальтер лишь громко загоготал. – Чего ты ржешь, тварь фашистская?

– Все сказал? – в голосе гауптштурмфюрера слышались явные нотки издевки. – Ты мне вот скажи, вы там с жиру беситесь? Не сидится спокойно?

Маслов на глазах начал закипать, от злости он аж заскрипел зубами, кулаки больно ударились в пол.

– Да я тебя...

– Да заткнись ты уже, – хрипло отозвался Кальтер, шмыгнув носом. – И без тебя тошно.

Такое поведение фашиста безумно бесило капитана Маслова, комиссар аж привстал, чувствуя, как кипит его нутро. Тем не менее коммунист поумерил пыл, глядя на своего противника.

«Не быть же мне хуже его, – думал Маслов, – сидит да сидит. Молчит. А вдруг он хочет задушить меня?»

Эти мысли вновь разбередили душу капитана, огонь с новой силой забушевал внутри него. Кальтер в ответ пялился тяжелым взглядом на коммуниста. Маслов заметил, как фашист язвительно скалится:

– Че?

– Жрал? – слегка дернув вверх головой, выпалил фашист.

– Че-е? – не понимая, протянул комиссар.

– Вареву их жрал?

– Тебе-то какое дело? – презрительно хмыкнул Маслов.

– Дурак ты. Жрал или нет?

– Не жрал! – злобно рыкнул капитан.

На удивление язвительный оскал сменился на обыкновенную улыбку, фашист облегченно выдохнул.

– Значит, не все потеряно еще. Человек в тебе не умер, главное, чтобы его твой внутренний коммунист не убил, – хмыкнул Кальтер.

– Че-его?!

– Да не ори ты! – оборвал коммуниста фашист. – Вы там

все граммофонами завтракаете? Чего орешь-то?

На это замечание Маслов решил никак не реагировать. Кальтер тем временем довольно бойко, несмотря на серьезные побои надзирателей и драку с коммунистом, подполз к двери и, прислонившись к ней ухом, начал внимательно вслушиваться. Маслов непонимающим взглядом смотрел на своего оппонента, пылающий внутри огонь ненависти погасило неподдельное любопытство. Кальтер некоторое время сидел неподвижно, как вдруг неожиданно начал долбить ладонью по двери и громко орать. Потом, отодвинувшись, принялся ждать реакции. Послышались тяжелые шаги, громкие звуки отворяющихся запоров, и яркий луч фонаря ударил по глазам.

– Ты че орешь?! Тебе в прошлый раз мало было? Повторить?! – возмущался надсмотрщик, глядя на забившегося в угол фашиста.

– Гражданин начальник, не карай, водички бы, а то отбили вы мне все, – жалобно причитал Кальтер, закрывая глаза от яркого света.

– От сука! Водички захотел, пададь? Ничего больше не хочешь?

Дверь вновь с оглушительным стуком закрылась.

– Ты че за цирк устроил? – поинтересовался Маслов.

– Дурак ты этакий, валить надо отсюда. И без тебя мне не справиться, красномордый, – Кальтер хитро ухмыльнулся.

Запах воска и странные завывания адептов. Маслов почти не ошибся, они были в плену у сатанистов-людоедов, и даже не Кальтер открыл ему глаза на это. Надзиратели в очередной раз зашли к ним в камеру, принесли кормежку, тогда-то между делом и обмолвились, что оба радикала завтра будут съедены.

– Не лучшая перспектива, – ухмыльнулся Кальтер, оттолкнув ногой погнутую жестяную миску, наполненную варевом. – Теперь-то ты понимаешь, что отсюда нужно валить?

Маслов ничего не ответил, лишь, недовольно хмыкнув, кивнул головой. Ему было противно признавать, что какой-то фашист, которого он всем нутром ненавидел и считал недоразвитым, говорил довольно разумные вещи.

– План простой, – тихо продолжал Кальтер. – Устраиваем «побоище», когда прилетят «коршуны», гасим их, забираем шмотки и быстренько валим отсюда. После выхода из камеры действуем по обстоятельствам, старайся следовать за мной, если выбраться хочешь. Ты кто по званию?

– Капитан, – буркнул Маслов.

– Капитан – это хорошо. Значит, не растеряешься. Тебя как зовут-то хоть, красный?

– Дмитрий Маслов, – холодно отозвался комиссар. – А тебя как величать, герой-спаситель?

– Гауптштурмфюрер Алекс Кальтер.

– А по-русски? – ехидно хмыкнул Маслов.

Фашист исподлобья взглянул на красного, тот, в свою оче-

редь, внимательно смотрел на Кальтера. Комиссар не отводил глаз, он чувствовал, как сам невольно скалится, понимая, что задел своего врага за живое. Кальтер, немного помолчав, все же сломался и едва дрогнувшим голосом ответил:

– Капитан Алексей Морозов.

Маслов, не скрывая своего триумфа, расплылся в улыбке победителя. «Сломал фашню!» – кричал он внутри себя, глядя на копошившегося в углу Кальтера.

Алекс вылил из мисок варево прямо у порога, посуды было решено использовать как оружие, хоть что-то лучше, чем вообще ничего. Затаившись в углу, он кивнул Маслову: «Поехали». Громкий ор фашиста вперемешку с бранью коммуниста создали неопишемую звуковую какофонию, беспощадно режущую уши. Надсмотрщики не заставили себя ждать, послышался звук открывающихся запоров. Дверь распахнулась, комнату озарил яркий свет двух фонарей.

– Что за шум?! – крикнул надзиратель, осматриваясь по сторонам.

Все, что произошло потом, напоминало кадры какого-нибудь довоенного боевика. Кальтер ловко втащил в камеру надсмотрщиков – они поскользнулись на разлитом вареве, – и закрыл за ними дверь. Маслов, широко размахнувшись, огрел миской по голове растерявшегося конвоира, второй получил знатную оплеуху от Алекса, лучи фонарей хаотично заскакали по стенам. Исполинских размеров тени топта-

ли растерянных надсмотрщиков, брызги крови разлетались вокруг, слышались тяжелые всхлипывания.

Грамотные действия хорошо обученных бойцов дали свои плоды. В ногах у двух капитанов валялись забитые до предсмертного состояния конвоиры. Быстро облачившись в длинные черные плащи надзирателей, фашист и коммунист покинули свою бывшую камеру, закрыв за собой дверь.

– Теперь следуй за мной, глядишь, за местных сойдем, – шептал Кальтер, осматриваясь по сторонам.

– Откуда ты знаешь дорогу? – поинтересовался Маслов.

– Внимательно следил, как меня тащили. Они в основном петляли специально, чтобы сбить с толку.

Пустынный коридор; их камера располагалась в самом конце, здесь она была единственной. Теперь стало ясно, почему конвоиры так быстро подоспевали, когда начиналась драка. Вооружившись дубинками, фашист и коммунист двигались вперед по коридору, в конце они уперлись в стену, слева была лестница, ведущая наверх. Аккуратно поднимаясь по ступенькам, чтобы не производить лишних звуков, они выбрались в какое-то помещение.

– Куда теперь? – растерянно глянул на Кальтера Маслов.

– Прямо и направо, главное – двигаться тихо.

Двое беглецов, глядя в пол, выбрались из помещения и побрели прочь. Маслов почувствовал, как сердце учащенно забилось от волнения, в горле пересохло, холодок пробежал по спине. Интересно, что чувствует Кальтер? То же самое,

ничего нового для таких ситуаций не придумано.

Они вышли к туннелю – никаких блокпостов и ограждений. Вот так просто? Не может быть! Но было то, что было, и расслабляться не следовало. Беглецы, ускорив шаг, направились в темный туннель, стараясь поскорее покинуть эти злополучные места. Они даже не оборачивались, сладкий вкус свободы пьянил и тянул прочь все сильнее и сильнее. Главное – не нарваться на патрули, хотя какие у здешних обитателей могут быть патрули?

– Сюда, – Кальтер указал на ответвление в туннеле. Остановившись, фашист, светя фонариком, осмотрелся. Ничего полезного, только пыль и строительный мусор. Луч фонаря осветил покосившуюся дверь с заржавевшей табличкой.

– Вон в те двери, это вход в технические коммуникации, куда-нибудь да выйдем, главное – свалить отсюда поскорее.

Маслов стоял, глядя на Кальтера:

– Почему ты помог мне сбежать?

– Тебе? – удивленно глянул фашист на Маслова. – Я хотел сбежать сам, а без тебя мне бы это не удалось. Я лучше отброшу все свои моральные и идеологические заскоки, но буду живым, чем пойду на принцип и буду принесен в жертву какими-то сатанистами или сожран людоедами. Ты, видимо, эту истину не познал, главное – оставаться человеком, – Кальтер огорченно цокнул языком. – Дурак ты, Маслов, пошли отсюда скорее.

– Морозов, стой! – окликнул Дмитрий удаляющегося

Алекса.

Кальтер, злобно рыкнув себе под нос, обернулся:

– Чего еще?!

– О том, что тут было, никому ни слова... – Маслов тяжелым взглядом сверлил Кальтера.

– Коммунист и фашист вместе сбежали, п-ф-ф... никто не поверит даже. Да и не горю желанием болтать. Пошли уже, достал...

Кальтер вновь скрылся за дверью, Маслов, цокнув языком, последовал за ним.

* * *

Настольная лампа скупо освещала кабинет, седовласый человек в белом халате, склонившись над массивным столом, что-то кропотливо писал в своем талмуде. Он даже и не заметил, как в кабинет вошел высокий мужчина слегка за тридцать. Лаборант, деликатно покашляв, привлек внимание профессора:

– Владимир Иванович, позвольте?

Профессор крутанулся на офисном кресле, поправил съехавшие на нос очки в толстой оправе и активно закивал.

– Да-да, Леонид, проходите, что-то случилось?

Лаборант робко прошел в кабинет и устроился возле стеллажа, забитого разнообразными книгами. Он некоторое время мялся, пытаясь подобрать подходящие слова, профессор

его не торопил. Наконец Леонид, глубоко вдохнув, заговорил:

– Владимир Иванович, наш эксперимент, как бы так выразиться, – ходил он вокруг да около.

– Леонид, говорите уже! – всплеснув руками, воскликнул профессор.

Лаборант, некоторое время помолчав, набрал воздуха в грудь и продолжил:

– Подопытные сбежали, – выложив основную проблему, Леонид выдохнул, на лбу проступила испарина. – Я не знаю, как это произошло...

Глаза Владимира Ивановича округлились, морщинистое лицо вытянулось, он, раскрыв рот, начал безмолвно шевелить губами, словно золотая рыбка. Леонид непонимающим взглядом смотрел на профессора. Владимир Иванович, резко крутанувшись на своем кресле, схватил ручку и начал записывать, надиктовывая вслух:

– Исход эксперимента оказался совсем иным, чем ожидалось! Подопытные Ф и К, которые подвергались долговременному психологическому давлению, показали весьма удивительные результаты. Вместо того чтобы доказывать друг другу правильность своей идеологии, они отбросили моральные принципы и, объединив усилия, совершили побег.

Профессор, вскочив со своего рабочего места, подлетел к растерянному Леониду и, схватив его за плечи, начал слегка потряхивать.

– Поразительный результат, о нем срочно нужно сообщить профессору Коновалову в Полис! Уважаемый мой, прошу не медлить!

Лаборант потерянно закивал и безмолвно побрел к выходу, не отрывая взгляда от Владимира Ивановича. Профессор восторженно глядел куда-то вдаль, упершись руками в бока. Он расплылся в торжественной улыбке и гордо произнес:

– У человечества еще не все потеряно!

Артем Степанов

Взаперти

– Вставай! Рано еще отрубаться.

Ледяная вода влепила болезненную пощечину, мгновенно вырывая его из омуты пустоты. Хотелось провалиться обратно, потерять сознание, оказаться вне этих облупившихся стен со следами былых пыток, с морщинистой от трещин поверхностью, кирпичной кладкой смотрящих исподлобья.

– Вот так, вот так. Не надо наслаждаться отсутствием реальности. Это опьяняет. А у нас тут с тобой еще дела незаконченные. Говорить будем или пойдем по тяжелому пути?

Человек, находившийся около одной из стен, со звоном поставил на пол пустое ведро. Света в комнате едва хватало на то, чтобы разглядеть хоть что-то. Заплывшие глаза с кровоподтеками и вовсе делали эту задачу непосильной. Он был один на один со своим палачом, но не мог разглядеть его лица.

– Молчишь? Понимаю. Каждый из нас хочет быть героем. Эдаким, знаешь ли, спартанцем. Холодным куском бетона, от которого – пили не пили – толку не будет. Но ничего, ничего. Спартанцы – тоже люди.

Темная фигура метнулась в другой конец маленького помещения. Послышался металлический звук, потом какое-то

чавканье, словно маленький зверек под давлением открыл и закрыл рот.

– Можно ваши ручки? – В этот момент боль волной прокатилась по всему телу. Словно тысячи пчел впились в указательный палец правой руки. Не дав ему опомниться, пчелиный рой переметнулся на левую руку. Средний палец постигла та же участь.

Он не видел, но знал, что кровь вытекает из пальцев. Сама жизнь уходила из него, каждая упавшая на потрескавшийся кафель капля отдавалась в голове похоронным звоном. Там, наверху, он ни разу не попадал в такую передрагу. И вдруг так легко попасться после стольких лет!

– Удивительный инструмент – клещи. Помню, что всегда считал их самыми бесполезными. Надо что-то выдернуть – достань фомку, меньше сил потратишь и время сэкономишь. Я сложу твои пальцы, потом забереешь, если нужно. Неполноценные люди все-таки – куда ни плюнь. Позволь, я работаю? Еще не хватало, чтобы ты умер от потери крови. Премия Дарвина тебе не светит, это я тебе обещаю.

В нос ударил едкий запах. Вторая волна боли. Запах крови смешался с запахом спирта. Крик застрял где-то в глотке. Зубы врезались друг в друга, крошась. К горьковатому соленому привкусу на языке добавился вкус эмали.

– А в прошлом мире было легко, да? Только представь, мы бы встретились в совершенно другой обстановке, сели бы, поговорили. Как друзья. Ну же. – Боль теперь наступа-

ла и отступала, как прилив, в то время как незнакомец обрабатывал то, что осталось от пальцев. – Признаюсь, до сих пор вся эта окружающая обстановка давит. Любишь кофе? Или правильно уже сказать – любил? Обожаю. Помогает собраться. До сих пор вымениваю у челноков. Алкоголь, чтобы заснуть, кофе, чтобы пробудиться. В этой бессмысленной череде событий можем и себя потерять, а кофе – как катализатор. Выпил, пробудился, начал жить. Помню, вот была у меня кофемашина...

Он почувствовал этот знакомый запах. Свежесваренный. Ложка утопает в темноте маленькой чашки. Кажется, что она – бездонная. Говорили, что на гуще можно гадать, а для него она была просто черным дном божественного напитка. Допиваешь и добираешься до сакральных истин – все божественное просто.

Сегодня он варил его один.

– У нас будет сын!

– Ты сошла с ума! Я, я не готов!

– Ты не можешь!

– Я. Не. Готов! – Слова вылетают изо рта, словно пули, врезаясь в ее слабое, неподготовленное тело. – Слышишь ты это?!

– Ты не можешь так поступить со мной.

– Мы зашли слишком далеко.

– Ты не поступишь так.

– Это все было ошибкой. Извини.

– Извини?

– Извини за все. Извини и уходи.

Кофе горчит. В доме нет ни сахара, ни молока. В голове муть. Одной чашки никогда не хватает. От одной всегда клонит ко сну. В ней все сложнее утопить воспоминания. Они здесь, рядом – на самом дне. Встречают его лицом той, которую он обманул, и смутными очертаниями того, кого он познакомил с самой страшной частью жизни еще в самой утробе. Он пытался вымыть чашки. Гуща не отмывается, а остается на руках черной густой кашцей...

Кто-то бьет его по щекам. Открыв глаза, он видит свои окровавленные руки. Свежая кровь слилась воедино с застывшей, почерневшей неприятной коркой. Из носа вниз падают капли. Тело болит. Каждый вдох – болезненный, словно он дышит свинцом. В глазах все путается.

– Воды. – Язык впервые перестает его слушаться и предательски выдает настоящие желания.

– Конечно, конечно. Вот, держи. – Он чувствует, как трубочка упирается ему в губы. Жадно делает глоток, еще один. Вода – теплая, отдающая металлом. – Услуга за услугу. В этом мире все нынче построено на бартере. Собрался с мыслями?

Он копошился внутри себя. Мозг настойчиво отказывался идти на сделку. Он знал, что ничего не должен говорить.

Знал, что тайна, которую он хранит и которой верен, стоит того, чтобы держать язык за зубами. Собрав горький комок, скопившийся в горле, сплюнул куда-то в темноту, где должен был стоять тот, другой, чей голос казался ему до боли знакомым. Будь он трижды проклят.

– Такими темпами мы далеко не уйдем. – Тяжелые шаги вновь стали отдаляться. – Ты как относишься к евреям? Не пойми меня неправильно – никакого национального подтекста. Скорее, наоборот – я вот исключительно положительно. В свое время познакомили меня с одним фокусом – маникюром называю. Помогает отвлечься и представить, что это не так болезненно, как кажется.

Острая спица зашла под ноготь. Его словно ужалил ядовитый аспид. Он забился в агонии, но, связанный по рукам и ногам, дергался недолго. Мозг в очередной раз не выдержал и потушил свет, умыкая его во тьму...

Она любила царапаться. Долгое время думал, что все это существует лишь в дешевых американских фильмах или в литературе эротического характера, но нет. Каждый раз она оставляла на нем свои следы. Болезненные, жгучие, что было сложно скрыть даже под одеждой.

– Она сказала, что беременна. – Сигаретный дым заполнил пространство.

– Глупая дура. Знала о таблетках?

– Наверное, я был пьян. Да и они не дают стопроцентной

гарантии. Говорит, что ходила к врачу на обследование, а там...

– Тебя использовали.

– Вряд ли. Не знаю.

Очередная затычка. Теплая подушка под головой, открытое окно, легкие простыни – раскиданные свидетели недавней любовной пляски.

– Но ты ее все-таки выгнал?

– Выгнал. Я не готов рисковать.

– Но как же тест?

– Она не посмеет. Знает, что у меня есть влиятельные знакомые.

– Ну и редкостная же ты мразь, Андрей. – Она неожиданно приподнимается на кровати. Свет полной луны падает на ее неприкрытую грудь. – Вам бы быть вместе. Бог любит дураков. Таким он дарует надежду. Знаешь, скольких счастливых, богатых, успешных он обходит стороной, а тебе ребенка дал. А ты что? Ее похоронил, ладно! Но ты и на нем крест поставил. Ведь для нее, может, это единственный шанс был. Это не то, что у нас. Она ведь тебя любила, Андрей, жила тобой...

– Заткнись.

– ...дышала тобой, отказалась от своего прошлого, карьерой, может, поступилась. Подняла тебя, а что ты сделал во имя вашей жизни?

– Заткнись, тварь! – Он заламывает руки ей за спину. По-

следняя затяжка...

Сигаретный дым не развеялся. Он переметнулся из воспоминаний в реальность. Едкий туман вгрызался в слезящиеся глаза, проникал в каждую пору его изуродованного тела, щекотал открытые раны. На полу он разглядел два сломанных ногтя. Подобно тонущим кораблям, они бессмысленно болтались в луже крови.

– Закуришь?

– Пошел ты.

– Сам себя калечишь, Андрюшка. Ты же сильный. Сталкер, мать твою! А тут не способен признаться в одном грешке. Ангелы не летают, Андрей, так что о нас говорить? Мы ведь с тобой и без того тут засиделись. Честно, не очень хочется потом говорить с твоим черепом: «О, бедный Йорик!». – Незнакомец картинно выпрямился и протянул руку перед собой, словно в ней действительно что-то лежало. – Такое только Гамлету было позволено. У нас мертвые молчат, к сожалению. Или к счастью.

– Ничего не скажу. Хоть режь.

– Андрей, Андрей, Андрей. Зачем ты так? Слова ведь могут против тебя обернуться. – В блеклом свете лампочки он разглядел отблеск холодного металла. – Оглянись вокруг. Мы с тобой одни. Только ты и я, и, быюсь об заклад, мы с тобой способны договориться. Тем и отличаемся от тех, кто спрятался в этой клоаке. Муравьи без матки, тупые запро-

граммированные идиоты без прошлого и будущего. Андрей, уж ты-то не подводи меня!

– Пошел к черту, мразь.

– Обидно и досадно. Вот так идешь к человеку, а он тебя штыками встречает. Глупо как-то. Огорчаешь ты меня, Андрей. – Нож сверкнул и вонзился в ногу, вскрывая, словно консервную банку, сначала защитный костюм, а потом и плоть. Холодный, безжалостный металл резал мышцы. Его опять повело...

– Разворачивайтесь! Назад! Приказываю всем отойти от периметра! Будем вести огонь! – В этот самый момент он и ощутил тупую боль в левом бедре. Попали камнем. Кто-то оттуда, сзади. Мальчишка с не по годам взрослым лицом, с глазами, полными ненависти и страха.

Начальник оцепления в каске с забралом в последний раз проорал что-то в громкоговоритель. Его слова терялись на фоне тысяч звуков. А потом смешались и цвета. Серый потолок, красный мерцающий свет тревоги, холодный металл гермоворот – занавес последней трагедии земли, черные баллаклы и глаза, наполненные ужасом.

– Изверги, детей хоть пожалейте!

– Пустите детей, стариков оставьте!

– Сволочи! Сгнить бы вам всем!

А потом он почувствовал, как кто-то тянет его за не прикрытый щитом рукав. Молодая девушка. Красивая. Непри-

лично красивая. Такой не должно быть здесь – среди всей этой обезличенной бурлящей массы. Ее глаза – он видит их сквозь прорези своего шлема, видит, как они наполняются влагой, замечает, как она протягивает ему какой-то сверток, совсем крошечный. Сверток – в нем жизнь, в нем тот, кто родился в критический для земли момент. Ребенок. Она умоляюще глядит на него, не в силах ничего сказать. Дрожит. Руки теряют былую силу. Щит соскальзывает и бряцает об пол. Дубинка отлетает в сторону.

– К БОЮ! ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ! – Голос командира глухим набатом отдается в голове. Отряд открывает огонь. Тяжелым грохотом отдаются выстрелы, будто кто-то позади начал остервенело дуть в трубу Иерихона. Шальная пуля выбивает сверток из рук девушки и отбрасывает его на эскалатор, словно сметенный сильным порывом ветра. Она ничего не понимает. Озирается по сторонам. А он машинально достает пистолет из кобуры и стреляет ей в грудь, потом еще и еще, пока старый добрый пистолет Макарова не дает осечку. ПРОСТИ! Занавес опускается. Где-то по ту сторону остается все человеческое, что в нем когда-либо было.

Удар пришелся точно в правую щеку. Из глаз полетели искры. Жалко, на полу нет серы или рассыпанного пороха – лучше бы все здесь сгорело. От резкого прихода в себя голова была готова разорваться. Проведя языком по зубам, он выплюнул на пол осколок одного из них. Усмехнулся.

– Тише, тише, вот так. – Его палач поднял его голову за подбородок и аккуратно провел мокрой губкой по морщинистому лбу, стирая кровь, прикрывавшую выступающие гематомы.

– Просто развяжи меня. Развяжи, и я тебя здесь закопаю.

– Что мне не нравится в людях – это их мания величия. Каждый второй готов горы свернуть, а на деле жует землю вместе с себе подобными червями. А вот ты мне нравишься. Ты – исключение из правил. Вот этот дух, несломленная воля, СИЛИЩА! Настоящий боец. Хватит обманывать самого себя, Андрей. – Голос стал тише, и какая-то нотка поменялась в нем. Ушла эта наигранная доброта, от которой уже воротило. Ее сменило то подлинное, что было в незнакомце, стоящем позади, склонившись как можно ближе к его уху.

– Больной ублюдок.

– А кто из нас здоров? Забавно это слышать от того, кто в ночи светится, как гирлянда, кто беспробудно пьет, просыпаясь у выгребных ям. Годы совсем тебя сломали.

– Да что ты знаешь?

– Вопрос в том, чего я не знаю, и что ты так пытаешься скрыть. Знаешь, что мозг каждого – это такая цитадель? Непроступная крепость, которую постоянно осаждают тысячи мыслей. Они подводят таран проблем, забрасывают катapultами переживания, стараются прорыть брешь сомнениями. Все это происходит под нашей черепной коробкой. Все боятся этого. Трепещут. Но никто никогда не задумывался,

что, может быть, подлинное зло – не за пределами, а в самом замке.

– Что ты несешь?

– Попробуй вспомнить сам, – стул, к которому он был привязан, повалился на пол. Он увидел размытый потолок, качающуюся, подобно висельнику, лампу. Все это длилось секунды, пока на лицо не накинули черную тряпку. Свет потух. Кромешная тьма закрыла все, заставляя его судорожно мотать головой, теряясь в догадках, что же ждет его на сей раз.

Подсказка пришла довольно скоро и отозвалась плеском. А потом сверху яростным потоком полилась вода. Он пытался дышать ртом, но тот лишь вбирал в себя ледяную влагу. Нос отказывался помогать. Голова закружилась, и он отключился...

Голова промокла насквозь. Вязаная шапка, которая была натянута поверх противогаза, не помогала. Разыгравшийся на улице ливень старался проникнуть и под защитный слой резины. Потоки воды лились отовсюду, словно город взяли в осаду на пару Аквилон с Нептуном. Приходилось лишь вытирать грязной перчаткой стеклышки противогаза, оставляя на них мутные разводы.

Он чувствовал себя мотыльком в скафандре. Болезненное тело, измученное бессонницей и дрожащее, как осенний лист, покоилось под двумя свитерами, костюмом химзащи-

ты, противогазом, напоминавшим хобот неизвестного науке животного. И всем этим он пытался спастись от окружавшей его действительности. Глупец. Беспомощное существо мира последствий. Рыба в аквариуме собственных ошибок.

Подъезд этой девятиэтажки был ему знаком не понаслышке. Он развернул пожелтевший от времени обрывок листка с написанными на нем номерами телефона и квартиры.

Выбив дверь, он разрезал сгустившуюся тьму фонариком, вспугнув пыль. Постучал несколько раз по стене – так проверял наличие новых постояльцев. В квартире было пусто.

Стены, отданные на растерзание времени и разложению, сломанная мебель, сумбурно раскиданная по комнатам. Одежда, лежавшая на полу, напоминала людей, из которых просто выкачали все и бросили лишь ту мишуру, которая некогда прикрывала их тела и души. Игрушки.

Последняя комната раскрыла тайну зловещей тишины. Затхлый запах разложения ударил в нос, заставляя интуитивно прикрыть фильтр свободной рукой. Под самым потолком висел скелет. Табуретка со сломанной ножкой, веревка, небрежно накинутая на крюк для люстры, выдержавший исхудавшее тело. Именно в этой комнате и было логово темноты. Влетевший в доселе неизведанную комнату ветер принялся раскачивать мертвеца из стороны в сторону, будто пытаясь его разбудить. Сталкер прошел дальше и увидел второй труп – но только в разы меньше. Все-таки родила. Он догадывался, но боялся зайти, боялся посмотреть ей в глаза.

И решился только тогда, когда на него взглянули не те серые глаза, которые он помнил по фотографиям и в которые был некогда влюблен, а пустая, равнодушная ко всему маска смерти, навсегда застывшая.

Дождь барабанил по вязаной шапке, впиваясь в него гвоздями. Он подставлял маску небу, но скопившаяся грязь не отпадала, а оставляла после себя грязные разводы. Не всю грязь можно отмыть. Некоторые куски глины врезаются в самую кожу, оставляя после себя гниющие рубцы и раздражение. А потом грязь попадает в кровь. Происходит заражение, и человек медленно умирает.

Должен умирать.

Запах не покидал его. Зацепившись, как репейник, он вышел вместе с ним на волю. Все вокруг словно неожиданно пропиталось запахом разложения. Он почувствовал, как тошнота подкатывает к горлу. Если она и хотела ему отомстить, то у нее это вышло. Он сорвал с себя противогаз и впервые вдохнул зараженный воздух...

– Просыпайся. Признаюсь, с водой я переборщил. – Запах нашатыря вновь вернул его в этот мир. Он уже начал забывать, что есть что-то, кроме этих четырех стен, безликого собеседника, в чьих руках сейчас находилась его жизнь. – Но ты хоть умылся – у многих и такой возможности нет, представляешь? Ходят в своих тряпках или в чем мать родила, трутся грязными телами друг об друга. Есть станции, кото-

рые покупают у соседей воду или же пьют ту, что пробивается с поверхности. Жажда побеждает здравый смысл.

– Дай мне умереть.

– Неужели сдаешься? Я не думал, что так рано. Ну же, Андрей, ты чего раскис?

– Делай что хочешь, но избавь меня от своего присутствия.

– А вот тут и рад бы помочь, да повязаны мы с тобой. Меня ведь тоже отсюда не выпустят, пока я правду-матку у тебя не выведаю. За нами стоят куда большие силы. Ты пойми – ведь я тебя не исповедаться прошу. Мне, если честно, вообще на эту правду – ну, ты понимаешь. Задача-то ведь простая: ты скажи, я запишу – и отпустим мы тебя восвояси.

– Отпустите. Далеко ли?

– На все четыре стороны.

– Языком трепать вы все мастаки, а вот в остальном – са-лаги. Со мной люди рядом умирали, со мной такое происходило, что тебе и не снилось. И своими ножичками, спицами, всей этой хренотой ты других поражай, а на меня у тебя сил не хватит.

– А-а-а, та известная история? – Вырвав из контекста всего одну фразу и зацепившись за нее, продолжил палач. – Всю жизнь так – победы достаются генералам, смерть – солдатам, и только интенданты довольствуются свежими харчами. Закон природы – дерутся между собой звери, а павших пожирают стервятники. В плюсе – только последние.

– Что еще ты знаешь? – неожиданно оживился Андрей.

– Мне бы лучше узнать то, чего я не знаю. Теперь вот в поисках простых ответов вынужден вырывать тебе пальцы, тратить на тебя свое время. Оно ни тебе, ни мне не нужно...

Он перестал слушать своего палача, так как воспоминания нахлынули совсем внезапно. Захлебываясь в яростном потоке, он пытался судорожно воссоздать картину былых событий, от которых еще долго не мог оправиться и просыпался в холодном поту...

– Надо, Андрюша, постараться! – Начальник станции расхаживал по своему маленькому, но уютному кабинету, гордо задрав нос и глядя куда-то в потолок, словно считая количество расползающихся пятен. – Представляешь, подтекает, зараза! Нынче паводки сильные наверху.

– Максим Евгеньевич, сделаем все как надо. Ребята подобрались славные. Каждого лично знаю, за каждого ручаюсь.

– Это хорошо, Андрюша, это хорошо! – Старик уселся на свое потрепанное кресло и как-то тяжело выдохнул.

– Максим Евгеньевич, разрешите?

– Валяй.

– По моему вопросу... Вы уж извините, дико неудобно... но раз уж говорим...

– Все будет, Андрюша, все будет. Ты, главное, сделай все как надо, а мы в долгу не останемся, слово даю!

По холодной кишке туннеля медленно передвигались

семь человек. Между собой общались преимущественно жёстами, которые известны были каждому, как таблица умножения. Годы тренировок отточили в них инстинкты и взаимопонимание.

Впереди растекалась подозрительная тишина. Обычно станции укрепляли на подходах. Ловушки, мины, да хотя бы банки, а тут не было ничего. Что-то внутри Андрея било тревогу и заставляло нагибаться еще ниже, к шпалам, и озираться по сторонам в поисках того, кто рано или поздно нарушит невозмутимость пространства.

Яркий луч разрезал темноту. Потом еще один и еще. Слепленная и выдернутая из-под крыла своей маскировки, семерка разбежалась в разные стороны, как тараканы по кухне. Где-то впереди застрекотал пулемет, потом к нему присоединился еще один. Полетели в сторону наступающих бутылки с зажигательной смесью. Еще минуту назад казавшийся спокойным туннель зажегся и заиграл светом.

Двоих уложили на месте. Остальные начали отстреливаться, выискивая в прицелы немногочисленный, но хорошо подготовленный к обороне гарнизон. Под прикрытием Андрей пополз вперед, к основной цели этого задания – к воротам, из-за которых все, собственно, и началось. Костью в горле для Ганзейского союза стала политика соседней станции. Удумали, что могут жить, как хотят, ввели режим – так называемый железный занавес. Ганза таких соседей не любила. Худой мир был лучше доброй войны, а тут – предательский

удар в спину. Красные бы поработили станцию, фашисты – тоже. Ганзе же лишняя шумиха была не нужна. Да только вот куда без нее в мире, что разделяют, как в детской считалочке – рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

Он затаился за цементным блоком. Пули не раз щекотали поверхность его укрытия. Несколько раз он слышал ругань и топот где-то по ту сторону. А потом все так же резко оборвалось, как и началось. Подняв голову и выставив автомат, он проверил место недавней бойни. Тут не было победителей. Смерть раскрыла свои объятия обеим сторонам, забирая в свое вечное царство всех без разбору. Как заигравшийся ребенок, сметая в хаотичном порядке все игрушки в одну кучу.

Вновь один.

Нужно было продержаться до прихода основных сил. Таков был план. Сказали, что воротами будут заниматься уже профессионалы. Пиротехники бы хватило, чтобы взорвать их к чертям, да только восстановление стоило бы огромных вложений. Решено было пойти в наступление. Тихо отработать, чтобы осажденные сами принесли ключи от города. Как бы не так.

Холодный воздух лизал его, заставляя руки дрожать. Где-то по ту сторону был отчетливо различим звук работающей дрезины. Силы противника готовы были выступить в любой момент. Тогда его голова украсит их ворота, которые закроются навсегда, а он никогда не получит столь вожеленный паспорт гражданина Полиса. Один он не сможет противосто-

ять целому взводу подготовленных людей, каким бы матерым он ни был. Разглядев на стене панель с цифрами и механизмами, Андрей метнулся к ней и начал судорожно резать и вырывать руками торчащие нити проводов. Освежеванный щиток трещал искрами. Ворота начали опускаться вниз. По всей видимости, он по ошибке запустил обратный процесс, и вместо того чтобы вывести подъемник из строя, он опускал крышку гроба на все надежды Ганзы.

Из ступора его вывел первый выстрел, раздавшийся со стороны туннеля. Дрезина с пулеметом и прожекторами появилась в дальнем конце и уже выискивала его в темноте. Андрей выдернул чеку и отправил гранату в полет – это должно было их задержать. Взрыв, крики. А потом – дикий шум, словно где-то рядом заработал старенький перфоратор. Плечо обожгло. Из последних сил он перекатился под опускающиеся вниз ворота, изолирующие станцию от всего метро.

– Андрей! – Голос Лазаря. Выжил-таки. – Остановись, это приказ! Андрей, сукин ты сын! НАЗАД!

– Прости. – Пистолетный выстрел стер из памяти туннеля очередного свидетеля. Теперь только он один знал правду.

Он бежал. Бежал, хотя должен был остаться и пасть рядом со своими товарищами. Бежал от смерти, дышавшей ему в спину, жадно облизываясь. Бежал от всех проблем, согнувшись в три погибели, трусливо пряча под тяжелым бронежилетом и каской свою никчемную жизнь. Призрак, фантом,

ничтожество.

– Как, Андрюша? Как?

– Они знали, что мы придем. Они ждали нас.

– Конечно же, ждали, Андрюша! Люди жопой чувствуют, когда над ними сгущаются тучи. – Максим Евгеньевич закурил. Затягиваясь самокруткой, он продолжал смотреть куда-то вверх. Это придавало его тени какую-то особенную строгость. – Потому мы и послали профессионалов.

– Ворота закрылись, они знали, они все знали. Хмурый, Лазарь, Рус – всех порешили, как собак. А где же было подкрепление, почему так долго? Вместе с ними мы бы прорвались. Пробили их оборону и заняли ворота! – закрывая лицо руками, орал Андрей, но голос предательски дрожал.

– ТИШЕ! Скажи спасибо, что тебя подобрали, – огрызнулся начальник станции, но потом уже мягче добавил: – Дорого по нынешним меркам армию-то высылать. Даже дороже, чем потом ремонтировать ворота, будь они трижды прокляты. На всех концах и без того гарнизоны трещат по швам, а тут вы еще... Плохо, Андрюша, плохо. Очень плохо...

– Максим Евгеньевич, как? Как я могу все исправить?

– Не знаю, Андрюша, не знаю. Хотя... Раз уж ты так любим фортуной, есть еще вариант...

Щелчки. Словно кто-то раскачал старую бесполезную забаву директоров компаний – два металлических шарика, бьющихся друг о друга. Еще один, еще один.

– Эй, ты со мной еще? – Щелкали пальцами, вновь выкидывая спасительный круг за борт, не давая ему утонуть в прошлом.

– Убей меня.

– Обычно люди боятся темноты, боятся забвения. Они озираются по сторонам, заглядывают под кровати, а самым страшным считают место, куда не проникает свет. – Незнакомец при этом специально выключил единственную лампочку. – Но никто никогда не боится тьмы внутри себя, хотя бездна, разверзнувшаяся внутри, куда страшнее. Но ты же не такой, верно?

– Хватит нести эту хрень! Сколько тебе заплатили?

– Прости? – Свет вновь зажегся над его головой.

– У того, кто меня заказал, какова цена?

– Ах, ты об этом. Ты бесценный, Андрей! Как ты до сих пор не понял? Все просто – тебя не станет, долго ли я протяну сам? Да как только из этой комнаты выйду, тут же ласты и склею. Не позволят мне жить. Ты мне живой нужен.

– Забавно с живыми поступают, – усмехнулся сквозь боль Андрей.

– Не серчай, но иначе – никак. Здорово забаррикадировался, признаю. Но ничего, ничего. – Судя по шагам, ему вновь зашли за спину. – Надышаться можно только ветром, потому люди здесь, под землей, и не живут – дышать-то нечем. Вбирают в себя пыль и сухость туннелей, дышат, как кроты, землей и собственными испражнениями. Ветер, ви-

дите ли, давно не гуляет по туннелям – байки все это!

Он почувствовал, как целлофан резко опускается ему на лицо. Тяжелые руки завязывают узелок и держат. Воздуха хватает на несколько вдохов. Тело трясется, инстинкт самосохранения дает импульс рукам, чтобы те как можно скорее скинули удушающий колпак, но тщетно. Голова валится набок, и он отключается...

Наверху слишком душно. Даже противогаз не всегда помогает абстрагироваться от мыслей о витающей в воздухе радиации.

Говард идет справа от него. Старый друг, не раз вытаскивал из передраг, притом как внизу, когда на пьяную голову Андрей чуть не подрался с офицером красных, так и наверху, буквально вырывая пару раз из смыкающихся челюстей. Сам он был не отсюда – с какой-то дальней станции. К ганзейцам попал по чистой случайности. Книжки для браминов таскал, но не из библиотеки, а из книжных магазинов – Ленинку избегал, словно боясь всей мистики, связанной с этим местом. Иногда его книжным червем еще звали – за привычку читать все то, что тащит. Вот и в этот поход пошел еще и потому, что неподалеку располагался один из крупных книжных магазинов Москвы.

Его мотивы всегда были какими-то не от мира сего. Книжечки принести, людям помочь, кошечку бездомную приютить. И именно это Андрею не нравилось. Слишком пра-

вильный, слишком светлый, разве что нимба над головой не хватает. А помазанников Божьих этот новый мир не любил.

– Как у вас там с Яной? Все нормализовалось?

– Разошлись мы.

– Налево ходила? Я тебе всегда говорил, что использует она тебя, а ты и в ус не дуешь. Вертит тобой, как хвостом. Ты ей все книжки, ерунду какую-то с поверхности таскал. Небось, позарилась на другого хахалю, с которым все проще? Баб в постели удивлять надо, особенно с нашей работенкой – каждый раз, как в первый раз, на кой черт ей все твои безделушки?

– Сгниешь ты в своем фарисействе, Андрей, помани мое слово. Бывает так, что людям просто нужна пауза. И я ее понимаю. Прошрое, Андрей, оно редко кого отпускает. Впивается клещом и сосет соки из организма. Смешно и подумать, но мы сами сейчас – как блохи на асфальтовых простынях прошлого. Копошимся в тканях, ищем чего-то.

– Ты бы в других простынях лучше копошился, – рассмеялся Андрей, но товарищ этого не заметил.

– Мне бы бросить ее, будто и не было ничего... Нет, Андрюх, я тебе так скажу – любовь, она приходит внезапно, врезается в тебя кинжалом, а потом издевательски медленно выходит, оставляя рубцы. Но если после всего этого она каким-то чудом дарует вам дружбу, значит, вы еще не потерянные моральные инвалиды, и все, что было, – было настоящим.

– Хрень все это. Не было этого раньше, а сейчас – тем более. Бабам нынче мужик под боком нужен, а не романтическое тряпье. Впрочем, дело твое, – отмахнулся от него сталкер, не веря в такой поворот событий.

Каждый шаг он делал осторожно, сканируя прибором ночного видения землю под ногами. Две бомбы в рюкзаке – его личный крест, который он должен был в прямом смысле нести на своих плечах. Последний шанс на искупление. Сделает все как надо, вернется в Полис и возьмет перерыв. От частых выходов на поверхность он совсем сдал. В редкие часы забвения все чаще снились кошмары. Голоса в голове, головокружения – все это стало чем-то обыденным, повседневным, а вспышки внезапного гнева под влиянием алкоголя приводили в лучшем случае к дракам. Хорошо, хоть Максима Евгеньевича знал и был у него под защитой. На другой станции за поножовщину и домогательства давно бы поставили к стенке – и дело с концом. Врач что-то писал про маниакальную депрессию, но он знал, что просто нужен отдых. Вывести радиацию, очистить сознание, ничего больше. И от заветной мечты его отделяло плевое задание.

Взорвать вентиляционные шахты. Завершить то дело, что когда-то было начато им самим. Ганза всегда получает желаемое – пиявкой присасывается, не отпадая до тех пор, пока не насытится, и ты либо терпишь, либо... Случай с гермоворотами вызвал резонанс. Начальством было принято решение срочно покончить с этим. Радикально, без ультиматумов

и дипломатии. И сегодня именно он поставит эту точку. Когда все произойдет, они точно пойдут к Ганзе. Отдадут последнее, лишь бы сохранить свои жизни. Потому что они – люди, жадные до своего никчемного существования.

Он уже закончил установку первого заряда, когда за спиной услышал медленные шаги. Андрей резко развернулся. На него смотрел Говард. Связка книг была перекинута через плечо, остальные были в рюкзаке. Он так делал всегда, чтобы утащить как можно больше.

– Ты сегодня быстро, однако, – нарушил наступившую паузу Андрей. – Касса не работала?

– Что это такое, Андрюх? – напарник не обратил внимания на неуместную шутку.

– Где?

– Не прикидывайся дураком. У тебя в руках. Что ты вообще забыл около этих шахт?

– А ты разве не слышал?

– Слышал что?

– Об эпидемии? Мало ли, как эта дрянь еще распространяется. Пойдет дальше по метро, а там и до Полиса недалеко. У Ганзы есть лекарство, только те идиоты все перекрыли, и зараза распространяется там. Это единственный способ заставить их действовать.

– Но там же люди! Ты не думал о последствиях?

– Вот именно! Ослепленное своей гордыней, мол, они могут жить самостоятельно, начальство предает своих же лю-

дей. Даже эпидемия ничего не изменила! Потому и выход только один – чтобы народ сам вышел к докторам.

– Не может быть такого! Ганза все врет и просто заставляет плясать под свою дудку, не гнушаясь ничем. И тебе они мозги промыли. Но я с тобой, давай... – Но договорить ему не дали. Выстрел, еще один. Глухой, успокаивающий.

Одна пуля пробила защитный костюм и попала куда-то в бок, другая вошла в ногу. Шах и мат.

Он подошел к раненому другу. Перекинул за спину его автомат, вытащил фильтры и сложил к себе в рюкзак, откинул в сторону нож и разрядил пистолет. После этого взял его под мышки и потащил в сторону.

– Кажется, ты так ничего и не понял, но ведь ты еще можешь мне, дружище? Ты полежи тут немного, а я закончу. Друзья же должны помогать друг другу, верно?

– Твою мать! Андрей, тебя же используют. Спустили с поводка, как пса. Я же тебе верил, – хрипло отозвался Говард. Он даже не пытался помешать ему. Лишь тяжело дышал и нес что-то бессвязное себе под нос. – Яна, Яна, Яночка.

– Ты бы меня там положил, Гош. Побежал бы разминировать. Ты же спаситель, архангел. А так – отлежишься, а я пока доделаю начатое. Ты все поймешь, но чуть позже.

– Сволочь. Всю станцию...

– Ты уж прости меня, друг. Но это единственный шанс. Одно задание, и мы – граждане Полиса, представляешь? Не так-то просто стать в этом мире кем-то, да? Помнишь, мы

еще мечтали, как переедем туда все вместе? Ты, я, Яна твоя. Ну же, Гошан, ты чего? Настоящий друг должен понимать. Ты всегда понимал.

– Книжки. Книжки. Ей. Не донесу.

– Вот так, вот так. – Андрей оттащил сталкера и прислонил его спиной к проржавевшему остову машины. Иномарки, судя по значку. – Я в долгу не останусь, дружище. А встретимся потом, ты мне еще спасибо скажешь. Ты же хочешь к своей Яне, или как там ее? Пока будешь отлеживаться в лазарете, я ей расскажу историю о том, какой ты герой. Сама к тебе прилетит. Век не забуду! Только ты тут останься, ладно? Напоследок уж послужи.

– Стой. – Собравшийся с силами напарник ухватил свободной рукой Андрея за рукав химзы. – Чтоб ты сам себя изнутри сожрал, мразь! Чтоб ты вечно жил с этим!

Андрей закрепил бомбу и сверил время на часах. Шальная мысль поразила его. Он вспомнил о сломанных гермоворотах на станции. Что, если они не откроются, что, если единственный доступ к станции и был лишь через вентиляционный лаз, готовый взорваться в считанные секунды? Выходило, что Гоша прав, и он самолично подписал смертный приговор сотням ни в чем не повинных людей? Да и за ним он не вернется. Паспорт Ганзы – в единственном экземпляре...

Часовой механизм ускорил темп. Участвовавший писк сигнализировал о том, что что-то пошло не так. Андрей вскочил

на ноги и побежал к выходу. В этот момент раздался взрыв. Его накрыло взрывной волной, отбросив в сторону, как тряпичную куклу...

Он откашлялся. Открыв глаза, он не обнаружил полиэтилена на лице. Дыхание нормализовалось. Разрушенный мир, изъеденный плотоядными кислотными дождями и временем, остался где-то далеко над ним. Андрей вновь был в комнате для допросов.

– Чтоб ты сам себя изнутри сожрал, мразь, – он повторил слова своего друга и зарыдал, как мальчишка. Нервы, натянутые как струна, наконец, оборвались. – Я, это все я! Это я сделал, да! Это я убил их всех. Всех. Всех до единого. Я!

– Спокойней, спокойней! – отозвался знакомый голос из темноты. Послышался звук пододвигаемого вплотную стула. – Кого именно?

– Всех. И Надю, и сына своего, и всех парней в туннеле, и Гошу, и людей на станции. Это все я сделал. Своими собственными руками. Всех, всех сгубил, а сам остался. Это ведь из-за меня она повесилась и сына с собой на тот свет забрала. Я видел. Девушку в метро – ведь мог спасти, а выстрелил! Из-за меня парни погибли – никого не вытащил. Струсил, сбежал. Друга бросил на растерзание, предал его. И людей на станции обрек на гибель. И все ради себя. Будь я трижды проклят!

– Прекрасно, прекрасно! Просто изумительно! Вот так бы

и начинал, а не тянул резину! Кажется, вот о чем молчал сталкер, да?

– Я не хочу! Я не могу! Я не заслуживаю жить! Оставь меня тут!

– Конечно, конечно! Кажется, ты начинаешь понимать, друг мой. Сейчас, сейчас. Погоди. Недолго мучиться осталось. Секунду.

Андрей открыл глаза и увидел спину своего палача. Тот направлялся к единственной двери в этом помещении. Радостно, едва ли не насвистывая на ходу, он три раза постучал в дверь. До Андрея доносились отдельные слова: «Наконец-то!», «Сломался!», «Я знал, нужно было только поднажать!». А потом дверь открылась. Из-за нее забрезжил белый свет, заставив его отвести взгляд в сторону.

Дверь закрылась, и он остался в одиночестве. Стены, словно слайд-шоу, открыли ему всю правду. Не было никакого ребенка, не было никакой повешенной жены, не было никаких расстрелянных людей. Ублюдок долго пробивался на свободу, делая один подкоп под разум Андрея за другим, пока не набрал достаточно сил, чтобы вырваться наружу и занять его место. Теперь все вставало на свои места. Каждый элемент мозаики был усилен в разы ложными воспоминаниями, которыми его пичкало собственное альтер эго. Мозговая травма в сочетании с его маниакально-депрессивным состоянием взболтала коктейль безумия, в котором и родился его противник – он сам. А тот времени не терял. Вос-

пользовавшись моментом, инъекцию за инъекцией вкачивал в него яд, низвергая в пучину абсолютной безнадежности. Пока Андрей не сдался. Не поверил в злое порождение собственного разума, тем самым дав ему вольную и выпустив наружу.

Андрей посмотрел на себя. Порезы затянулись, будто никто и не пытал его. Он попытался вырваться, и это ему удалось. Путы спали. В бешенстве подбежал к стене, на которую по-прежнему проецировались картины ложных воспоминаний. Он разбивал до крови пальцы, пытаясь соскрести их, но все попытки были тщетны. Клетка закрылась. Надзиратель занял место бывшего заключенного.

Он поднялся. Лицо было в крови, она стекала через разбитые стекла противогаза. Образовавшаяся под ним лужа была похожа на Евразию. Эта мысль доставила ему неопишуемую радость. Главное, что он выкарабкался, наконец, свободен. А все эти мелочи... Пойти, что ли, у второго позаимствовать, как там его? Гоша вроде?

Ему повезло меньше. Труп уже обгладывали собаки. Ветер перелистывал запачканные кровью страницы книг. Пригрозив автоматом, он отогнал их в сторону, снимая с бывшего товарища противогаз. Ладно, хоть не с лица начали. До станции должно хватить. На рынке Полиса продают и качественнее. Будет первым в списке покупок.

Спускаясь вниз по эскалатору, он напевал какую-то пес-

ню. Что-то из забытого старого. В голове он уже прокручивал свой дальнейший маршрут. Та неженка, которая некогда была в его теле, наконец, перестанет мешать. Отныне он будет жить в удовольствие. Теперь в его руках все. Остается только спуститься, получить ту корочку, из-за которой он так долго терпел свою вторую часть, – и все. Дальше будет проще. Он самодовольно потер ладони.

Гермоворота открылись, и ему навстречу вышло несколько человек во главе с командиром. Ощетинившись автоматами, они выстроились в линию.

– Максим Евгеньевич, дорогой вы мой! Признаюсь, не рассчитывал. Но не стоило оно того, полно вам. Я и сам смогу зайти на станцию. Там и атмосферка поприятнее.

– Что ты наделал? – сквозь защитную маску голос начальника казался более грозным, чем был на самом деле.

– Все в порядке, как мы с вами и договаривались – работа сделана. Овации можете припасти до того, как спустимся. Холодно, знаете ли. Да и подлататься надо.

– Ты нас обманул. Нам звонили со станции, сказали, что один из наших что-то такое учудил с их гермой, что все закоротило, и ворота больше не поднимаются. Припоминаешь такое? А теперь вопрос на засыпку – угадай, что дальше? С учетом того, что ты подорвал их последнюю надежду, они все обречены и подохнут там, как крысы.

– Разве не этого все добивались? – лишь развел руками сталкер. – Или я чего-то не понимаю?

– Не понимаешь, Андрюша, не понимаешь. Ты – единственный, кто помимо нас знает правду. Сделать тебя юрочивым и повесить на тебя всех собак не удастся – слишком язык у тебя длинный. А нам легенду важно сохранить. Во имя спокойствия Ганзы и всех ее жителей.

– Что все это значит?

– Билетик тебе в один конец прописали, – тяжело вздохнул начальник станции и дал отмашку. Автоматная очередь разрешила ночную тишину.

– Артур, слушай сюда. Объявляем карантин из-за этих горе-сепаратистов. Я выступлю перед народом, мол, поймали и уничтожили банду террористов, которые провели атаку на соседнюю станцию. Кто это – фашисты, коммунисты, полонумные кретины, там уж додумают. Пока куда важнее замести следы. Ты же возьми парней – попытаемся вскрыть ворота, но без взрывов. Еще не хватало, чтобы второй туннель завалило.

– А с этим что делать?

– А этого – в печь, чтобы ничего не осталось. Хорош тот сталкер, что молчит.

Максим Евгеньевич зашел на станцию и попросил у дежурного закурить. Давно уже сам не выходил на поверхность. А все из-за таких, как этот. И ведь ценный кадр был, чтоб его. Вечно у молодых голову срывает. Может, он погорячился? Но на что только не пойдешь ради поддержания хоть какого-то порядка. Очередная пешка была просто убра-

на с шахматной доски. Игра продолжалась.

Андрей Гребенщиков

Шеймен

Высокий человек в офицерской форме. Суровый, решительный, надежный. Копни чуть глубже – одинокий, растерянный, испуганный. Его одиночеству двадцать долгих лет, растерянности и испугу – чуть больше двух недель. Свежие чувства, чуть было не позабытые.

Высокий человек в офицерской форме нерешительно мнется на пороге заваленной диковатым – на вид, цвет и запах – хламом комнаты. У офицера и вверенной ему общины на исходе время, припасы и терпение. Но нерешительности пока чуть больше. Он боится нарушить покой хозяина захламленной комнаты. Он должен нарушить покой хозяина захламленной комнаты, от хозяина захламленной комнаты зависит жизнь всей Общины – полутысячи взрослых, ста двадцати детей, трех десятков стариков, а еще фермы на полторы сотни свинячьих голов и туш – но как же ему не хочется...

– Шеймен, прости, что... – начинает человек в офицерской форме и смолкает. Выжидательно, с опаской всматривается в лицо того, кого назвал английским shaman. Шеймен – это, конечно, прозвище. Когда-то, уже во времена всеобщего одиночества, у шамана было имя, обычное, человеческое.

ское, ничего не значащее, но с тех пор многое изменилось.

Шаман – лысый (человек?), вся голова – в татуировках. Шея, ключицы, голые плечи, даже уши и (закрытые) веки покрыты вязью цветных малопонятных узоров. Урод. Правильный череп, тугие, налитые силой мышцы торса и рук, чистая без изъянов кожа, длинные, ловкие пальцы – он почти красив.

– Шеймен, свиньи на фермедохнут с голода, мы должны пополнить припасы. Ты нам нужен... Пожалуйста.

Шеймен лениво, очень-очень медленно открывает глаза. Человек в офицерской форме внимательно всматривается в их цвет – разный, в зависимости от настроения. Сейчас на него (сквозь него) глядят два нейтрально-серых зрачка. Человек вздыхает про себя, не зная, к чему готовиться.

– Помоги.

Шеймен смотрит, Шеймен еще чего-то ждет.

– Прости их... если хочешь, жены погибших... – офицер замолкает, с трудом подбирает слова. – Жены погибших в прошлом инциденте охотников будут молить у тебя прощения за свои глупые слова. Шеймен, хочешь?

Шеймен качает головой, он не хочет. Шеймен двумя пальцами тычет в сторону своих нейтрально-серых глаз, затем сжимает кулак, держа его на уровне глаз – любых, и нейтрально-серых, иногда добро-зеленых, часто ало-яростных, нередко загадочно-синих. Любых.

Человек в офицерской форме прекрасно знает этот жест,

его он видит пятый день подряд. Шаман вновь будет смотреть в будущее, гадать на предстоящую охоту. Прошлая вылазка унесла жизни восьми сталкеров. За все годы, что шаман покровительствовал Общине, за десятки и десятки охот погибло в два раза меньше – Шеймен впервые не увидел (не предвидел?) засаду мутантов. Быстрых, умных, смертоносных. Глупые женщины, несчастные женщины, верившие в его непогрешимость и неуязвимость своих мужей под его защитой – проклинали впервые промахнувшегося шамана.

И теперь он смотрит в будущее. Пристально, глубоко, настолько глубоко, что человеку в офицерской форме и не снилось в его «одиноких» кошмарах. И всегда – вот уже четыре дня подряд – видит одно и то же. Сейчас он прогонит отчаявшегося человека в старой, порядком поношенной офицерской форме и будет вновь смотреть. Глубоко-глубоко.

Человек в офицерской форме хочет махнуть рукой – демонстративно, зло, безнадежно. Но шаман уже не здесь, он скрыл глаза под татуированными веками – и демонстрировать что-то уже некому. И незачем. Офицер уходит – туда, куда не хочет идти, в общину, где ждут ответа и надежды. И где сегодня не дождутся ни того, ни другого.

* * *

Шеймен ныряет глубоко-глубоко, настолько глубоко, что не может вспомнить старого измученного человека в форме.

Здесь нет ни времени, ни места, ни человека в форме. Едкая, беспросветная темнота и вязкая, без малейшего звука тишина. Это – будущее, которое пока не наступило. Его еще нет. Есть только Шеймен, его протянутая ладонью вверх рука и ожидание. В раскрытую ладонь ложится монета. Ее не было здесь и не будет после, когда она взлетит и упадет обратно в ладонь. Она покажет Шеймену свою грань и вновь перестанет быть.

– Орел, – думает Шеймен оглушительно громко. Он не знает, кто должен его слышать, но старается изо всех сил. – Орел!

Подбрасывает монету. Ловит. Держит сжатый кулак перед своими ало-яроственными глазами. Разжимает пальцы. Решка. Опять. Всегда. Он хватает монету, чтобы перевернуть, увидеть нужную грань, но другой грани нет. Есть только решка, всегда только решка. Он забудет свое видение, оставит в глубине и снова – завтра, через неделю, сотни раз подряд – загадает орла.

Дело в нем, ему нельзя вести людей на охоту. Благословение обернулось проклятьем.

Шеймен открывает глаза. Он снова здесь и сейчас. И он кривит губы в злой усмешке. Здесь и сейчас. Если судьба зла к нему, он сломает эту судьбу, он создаст себе новую. Сам. Ведь он – Шеймен. Тот, кто видит, тот, кто может.

Безмолвный Екатеринбург под слоем грязно-серого пепла. Укутан радиоактивной пылью, ловит последние отблески солнца, вязнущего в трясине горизонта. Серый город теряет свой единственный цвет, сливаясь с бесцветно-темной ночью. Умиравшему городу страшно, он боится однажды стать мертвым, он боится остаться с ненавистной ночью навсегда.

Уцелевшие многоэтажки Новой Сортировки почтительно гнутся перед низкорослой Старой Сортировкой. Старая Сортировка почтительно тянется к земле. Земля – это руины, вывернутые наизнанку дороги, завязанные в узлы улицы и переулки. Всё, как всегда, всё, как везде. И только люди... людей слишком много для этого места.

Тринадцать охотников. Много. Слишком. И число так себе. Возможно, в Общине не страдают суевериями либо считают его, Шеймена, четырнадцатым охотником. Напрасно: сталкеры отдельно, шаманы отдельно. Тринадцать. Плохое число.

Массивные ворота за спиной гремят железными запорами, отрезая Общину от охотничьих угодий. Впереди пустырь Старой Сортировки, метров двести выжженного пространства. Бесцветно-серый асфальт под ногами, бесцветно-грязное небо над головой, позади запертые двери – под цвет этого мира – выцветшие, впереди – за пустынным пятачком

– переполненные хищниками джунгли из железобетонных развалин. Осколки, трупы высотных и не очень домов, ржавые скелеты выпотрошенных машин, мертвая память о мертвом городе. И новая жизнь, голодная, злая, неукротимая.

Охотники – все тринадцать – прекрасно понимают, кто они и что они без шамана. Шаман... ему плевать на то, кто и что понимает. Или кто чего не понимает. Это все не имеет значения. Никакого. Ему нужно вывести группу на огневые рубежи, приманить нужных животных, а потом вернуть охотников в Общину, уже с трофеями. Все. Простая схема, внезапно давшая сбой несколько дней назад. Почему все пошло не так – это правильный вопрос, вот, что имеет значение.

Внизу в канализации живут сомнамбулы – тупые злобные твари, похожие на гусениц-переростков. Днем твари охотятся, ночью забываются крепким до беспробудности сном. Сильные физически, совсем задохлые на голову – никакой ментальной защиты, спящих их можно брать «голыми руками». Только пробейся в крошечный, беззащитный мозг и отдай команду – весь выводок уродов тут же рванет наверх. Не приходя в куцее сознание. Весь выводок уродов, послушный воле Шеймена, безропотно пойдет на убой, под ножи мясников, на корм свиньям, не брезгующим таким уродливым и неаппетитным угощением. Охотники – так происходит в восьми случаях из десяти – не сделают даже выстрела. В оставшихся двух случаях автоматными (совсем редко –

пулеметными) очередями придется отсекать не в меру ретивых мутантов, покушающихся на медленно ползущую в Общину людскую добычу. Такая вот охота.

Но в прошлый раз сомнамбулы не отзывались на Зов. Шеймен не смог пробиться туда, где всегда хозяйничал безраздельно. И группе пришлось охотиться на менее привычных жертв, в менее удобных условиях. И гораздо менее удачно.

Хватит. Сейчас он все сделает как надо. Шаман застывает на месте в предвкушении, настает время силы. Настоящей, а не той бледной тени, что обитает в охотничьих огнестрелах. «Пуля – дура, шаман – молодец». Шаман улыбается: пора насладиться тем, что имеешь. Дар – это... благословение проклятых времен, компенсация за среду обитания, в которой невозможно обитать. Без силы.

Шеймен с наслаждением потягивается, разминая мышцы. Пора.

Мастер Вит учил – все есть вода. Все мы – дети Великого Океана. Великого Океана. Жизнь, смерть, сила – все Океан. Если ты видишь его, если ощущаешь его, то можешь почерпнуть («одолжить» – говорил Мастер Вит) немного силы. Ровно столько, сколько сможешь унести. Ни меньше ни больше. Пора.

Шеймен закатывает глаза, раскидывает руки в стороны и погружается в Океан... Пытается и не может. Океана нет. Глаза Шеймена произвольно распахиваются: Океана нет.

Океана нет!!! Откуда, черт побери, ему черпать силу?!

Спокойно. Спокойно, это просто осечка. Нервы, усталость, печать прошлой неудачи. Это странно, это неправильно, но так уже бывало. Давно, во времена обучения. Нужно всего лишь нащупать потерянную нить, поправить сбитый прицел.

Шеймен оборачивается к охотникам. Легкая калибровка силы совсем не мешает. Шеймен легко касается сознания ближайшего сталкера. Страх, тревога, напряжение. Привычная картина. Нет, еще кое-что. Сомнение! Ого, пушечное мясо позволяет себе усомниться в нем – Шеймен еле слышно хмыкает. Забавно. Извечное подобострастие с новым – кислотатым – привкусом. Приторное, а теперь еще и кисло-приторное – какая гадость!

Следующий сталкер. Страх, ожидание, сомнение.

Третий, четвертый, десятый. Сомнение. Недоверие. Укор. «Поганый мутант». Да вы совсем осмелели... Акела промахнулся, да? Шакалы – верные спутники неудачи, она их манит. Падальщики.

Тринадцатый. Тринадцатая – даже так! Шеймен почти удивляется: под «бесполой» химзой и уродливым противогазом скрывается самка – впервые на арене. Особь еще более слабая, чем любой беспомощный мужик из дюжины. Солдатка. Вдова сталкера, убитого на прошлой охоте. Зачем она здесь? Ненависть, месть? Шаман с интересом погружается в ее разум. Она думает о черепе, его лысом черепе. В своих

фантазиях Солдатка целует, лижет, покусывает и даже, забыв о пропорциях, пытается засунуть его лысый череп в свой ненасытный рот.

«Фрейд в восторге», – Шеймен отстраняется от чужого разума. Радиация, импотенция мужа, изголодавшееся тело – обычная история. Но на памяти шамана это первый случай, когда его правильный, красивый череп используют столь не по назначению... это могло бы быть обидно, не будь смешно.

Смешно. И бабу – дуру – жалко. «Жалко?» – Шеймен прислушивается к непривычному слову, непривычному чувству. Жалко. Пустое слово, бессмысленное чувство. Но ведь жалко...

Пора заниматься делом. Если он опять облажается, придется жалеть всю Общину. Посмертно.

Шеймен набирает полную грудь воздуха, закрывает глаза. Нужно отключиться от этого мира, чтобы почувствовать тот, другой. Который глубже. Нижний мир. Его стихия – вода. Суть нижнего мира, кровь нижнего мира, материя нижнего мира. Вода. Она даст силу, она *откроет* глаза. Вода. Океан Воды.

Совсем рядом, нужно лишь зацепиться! Чужое воспоминание – крюк в прошлое. *Он* сидит в машине. Вокруг все белое – это *снег*. Холодный, мертвый, укутавший. И ветер – пронизывающий, убийственный. И мороз – злой, беспощадный. Нетерпеливый.

Холодно. Очень холодно. Руки без перчаток дрожат, *он*

никак не может попасть ключом в замок зажигания. Дует на руки, отдает немного внутреннего тепла. Щелк, ключ в замке. Хорошо. («Что ж так холодно?!») Немного повернуть, четверть оборота, не больше. Оживает радио, бойкий, не по погоде радостный диджей убеждает всех оставаться дома. Еще четверть оборота, включается бензонасос. Кровяная система промерзшего насмерть автомобиля. Что-то гудит и щелкает. Электричество вяло бежит по окоченевшим проводам. Железу плохо, железу тяжело, оно хочет спать до весны и смотреть свои железные сны.

Последний оборот, самый важный. Выдохшийся аккумулятор должен отдать последние силы, вложить весь заряд в свечи, чтобы те вспыхнули и воспламенили не желающее гореть топливо. Последняя – самая горячая, самая искренняя – молитва автомобильным богам, проклятье зиме, надежда – себе. Щелк.

Шеймен отталкивается от чужого – кого-то из сталкеров – воспоминания и проворачивает *ключ* в *замочной скважине* сознания. Щелк.

* * *

Не завелась, не поехала. Нет Океана, нет Воды. Все пересохло. И даже жалость к себе пересохла, дневная норма глупого чувства потратилась на бабу-дуру. Теперь он глух и слеп, как обычные охотники, и так же бесполезен.

«Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». Шеймен не любит говорить, потому что не умеет. Разучился. Разучили. Когда изгоняли из Пояса Щорса. С позором, с проклятиями и прочими «благими» пожеланиями в долгую дорогу. Еще один эпизод, который не хочется вспоминать, еще одна зарубка на мутировавшем сердце, о которой не хочется говорить... Шеймен, дружище, посмотри, ты же теперь слепоглухонемой, не хочешь поболтать об этом?

Шаман машет рукой: «За мной». Охотники – все двенадцать с половиной – дружно идут за ним. Охота начинается, впереди адреналин, веселье, кровь и победа. Веди нас, мутант, мы снова верим в тебя, лысый, уродливый шаман.

Шеймен – лысый, уродливый мутант, – не пользуясь внезапно замолчавшим талантом, прекрасно видит близкое и уже совсем неотвратимое будущее. Адреналин и кровь там льются рекой. Слепец ведет слепцов на охоту.

* * *

Группа устроилась на первом этаже заброшенного – еще до войны – барака. Окна на восток и запад: отличный обзор пустыря перед Общиной – двести метров хорошо простреливаемого пространства, и чуть хуже вид на плотную городскую застройку с противоположной стороны. Старое, хорошо «намоленное» место, охотники останавливались здесь всегда. Часть группы – западная – отслеживала (и отстрели-

вала) незваных гостей из города, восточная – бдила за шествием сомнамбул, приманиваемых Шейменом в Общину. Двадцать минут не очень обременительной охоты (чаще всего без единого выстрела), и отважные воины возвращались домой.

Сегодня все, как всегда. Только без сомнамбул. И Шеймена. Прежнего Шеймена. Да и домой нынче вряд ли кто-то вернется. А так все отлично, все в порядке. Все пока живы-здоровы, ждут чего-то. Ждут чего-то от того, кого с ними нет. Прежнего Шеймена.

Слепые глупцы и слепой слепец. Шеймен смеется, вся команда (словно по команде) смотрит на него. Они ловят каждый его жест, преданно заглядывают в рот (некоторые еще и лысым черепом nepотребствуют). Глупцы.

«Я ничего не могу», – мог бы сказать Шеймен, если б мог. Снова смеется. Снова тринадцать голов синхронно поворачиваются в его сторону. Забавно. Только быстро надоедает. В новом мире – совсем новом, в том, где нет Воды и неоткуда черпать силу, – скучно. Плохо с развлечениями. Из всех развлечений – только дурной, беспричинный смех и «синхрон». А еще – ожидание смерти. Смерть, приди, сделай нам весело.

Снова засмеяться Шеймен не успевает. Внезапно он ощущает давление, чей-то взгляд. Не охотников, не бабы-дуры, те прожигали его череп, этот же взгляд, словно буравчик, проходит сквозь кости, вливается прямым в мозг. Вз-вз-вз. Буравчик раскручивается: взгляд-сквозь-мозг. Вз-вз-зг.

Лязгает, упирается в сознание. Отступает на миг и бросается в атаку с новыми силами. Вз-вз-вз-зг-зг-пробил-вз-вж-вж.

Ментальная бормашина для перфорации больного (кариесом?) мозга. Действительно больно, шаман кривится, с трудом удерживается на ногах. Больно. И ответить – сегодня – нечем. «Я сдаюсь». Вот и весь ответ. Больно.

Я сдаюсь.

Безумный «стоматолог» манит Шеймена к себе. Куда-то вверх, на второй этаж.

Охотники – не видя, не понимая, все как всегда, – с испугом смотрят на уходящего шамана.

Сидеть, ждать – отмахивается от них уходящий шаман. Ноги сами несут его вверх по лестнице. Скрипучей, пыльной. Скрип-скрип. Разойдись, народ, лысая сомнамбула идет!

Неприятное ощущение, особенно для того, кто годами приманивал настоящих сомнамбул на бойню. Топоры и молоты. Бах-бах. Пилы по костям. Вжик-вжик. Сытые свиньи довольны. Хрю-хрю. И снова бах-бах, вжик-вжик, рыг-рыг, сытые сытыми свиньями общинники довольны.

Какой стремительный регресс по пищевой цепочке... По лестнице вверх, чтобы по цепочке вниз. Корм уже в пути, на негнущихся ногах ползет кому-то в пасть. Зубастую (кляц-кляц), зловонную пасть.

Второй этаж. Затхлый, темный, бездвижный. Обманчиво тихий.

«Кушать подано», – громко, чтобы нарушить тишину, думает Шеймен. Ему неуютно здесь, слепота тяготит его. Кто-то пристально, в упор разглядывает Шеймена. Шеймен видит лишь кружащуюся в воздухе пыль да смутные, неподвижные силуэты, укрытые этой пылью. И, конечно, тьмой. Возможно, это мебель, возможно, груды мусора, возможно, смерть, берущая его на прицел.

«Орел или решка?» – возникает в голове вопрос. Возникает из ниоткуда, из тишины и пыли.

Шеймен медлит с ответом. Он не любит, когда без спроса вламываются в сознание – это его талант, это его привилегия, это только его право. Только его!

«Орел?»

Шеймен не сдерживает ярость, глаза его наливаются алым: цветом, кровью, огнем. Он накручивает себя. Силу дает не только Вода, Силу можно занять и у Огня!

«Решка?»

Нужна только искра, чтобы вспыхнуть. Всего лишь маленькая искорка. Щелк.

Не заводится. Здесь полно силы, полно Огня, Шеймен чувствует его жар, но *эта* сила подчиняется кому-то другому.

«?»

Кажется, весь этаж пылает, воздух густеет, воздух становится вязким. Воздух – обжигающий, невыносимый – заливается жидкими струями за шиворот, прорывается с каждым

вдохом в легкие, залепляет слепые, ничего не видящие глаза. Огонь – чужой, непререкаемый – требует ответа. Огонь нетерпелив, огонь чувствует плоть, огонь пожрет все.

«Орел!» Всегда орел, раз за разом. Орел.

Огонь отступает, возвращается в породивший его ад. Воздух больше не плавится, не дрожит. Можно снова дышать, можно еще немного пожить.

Дзинь. С веселым звоном у ног шамана приземляется монетка. Крутится, подпрыгивает, настойчиво выбивает из деревянного пола мелодичный «дзинь». Дзинь-дзинь, орел-решка, дзинь-дзинь. Монетке скучно у ног шамана, она рвется на волю, катит по скрипучим ступенькам – дзинь-скрип, скрип-дзинь, и наконец затихает где-то в глубине первого этажа.

Секунды, обманчивые мгновения, наполненные ожиданием. Грань между «было» и «не будет».

Внизу становится *громко*. Возня, резкий треск выстрелов, крики. Через секунду – вопли. Оглушающие, на ультразвуке, захлебывающиеся, на крови. Все, тишина. И здесь, и там. Гармония смерти.

Ти-ши-на. Мол. ча. ние. «О чем молчат мертвые сталкеры?»

Слепой Шеймен всматривается в темноту, глухой Шеймен слушает тишину, немой Шеймен кричит в непробиваемую пустоту. У него есть свой вопрос, который требует ответа.

Но он не успевает, спрашивать больше некого. Пелена, окутавшаяся сознание, спадает. Он снова «видит» и «слышит». Двенадцать остывающих аур внизу. Сотни спящих – и больше никому не нужных – сомнамбул в самом низу. Еще ниже самого низа клокочет ад, рвущийся наверх. И Шеймен слышит его.

Баба-дура, тринадцатая аура. Шеймен видит ее. Солдатка перепугана до смерти, захлебывается слезами, ее сердце отчаянно колотится (Шеймен слышит его). Но она жива. Ее жизнь – это послание. Послание ему, Шеймену.

Шеймен видит послание, но не может прочесть. Пока не может.

И не хочет. Он устало садится на пыльные ступени. Лениво поигрывает вернувшейся к нему силой. С недоверием всматривается в будущее. Дорога, боль, мгла, немного ответов. И снова дорога. Боль, тишина, немного вопросов. А в конце – отложенная пока смерть. Она всегда там – в конце. Терпеливо ждет на финише, лыбится щербатым ртом, приветливо машет острой косой. Решка, всегда только решка...

Через минуту Шеймен встанет, спустится на мертвый этаж, успокоит бабу-дуру – она будет долго-долго лепетать о монстрах, вышедших прямо из стен, об ужасных мутантах, разорвавших всех сталкеров в клочья и почему-то пощадивших ее одну. Шеймен внимательно осмотрит совершенно целые трупы охотников, *испорченные* лишь пулевыми отверстиями, но ничего не скажет бабе-дуре. Зачем ей знать о том,

что люди сами перебили друг друга, зачем ей знать о могучем ментале, от которого Шеймен не смог защитить ни себя, ни группу? Он обнимет ее, расскажет утешительную сказку, пообещает защитить, и они вместе пойдут искать смерть. Но это будет через минуту, а пока – вечная вечность для того, чтобы перевести дух, насладиться тем, чего не имеешь, ощутить то, чего уже не потеряешь. Покой длиной в вечную вечность. Шестьдесят секунд. Тик-так. Тик-так. Посидим на дорожку?

Ирина Бакулина

Венерина мухоловка

Лешка Бемоль, причисленный балагуром Жекой Шором к виду «жаворонок долбанный», и в самом деле любил встречать рассветы. Даже сейчас, в первом в этом году рейде до Брянска, загребая веслами ледяную воду разбухшей Снежети и Белобережского водохранилища.

Небо на востоке светлело, приобретая жемчужно-серый оттенок. Берег по правую руку Лешки, почти скрытый пластами тумана, мелодично звенел, и лишь изредка это слаженное свиристение пичужек перебивал то сиплый мям, то сухое отрывистое щелканье.

Лешка сморщил нос: эх, сейчас бы не весла в руки, а разлинованный под ноты блокнот и карандаш. Сидевший на корме Андрей Снегирь укоризненно покачал головой и просигналил: «Быстрее».

«Раз!» – поспешно скомандовал себе Лешка, откидываясь назад и всем корпусом ощущая упругое сопротивление воды.

«Два!» – приподнял лопасти над водой, выпрямился.

«Три!» – подался вперед, а весла отвел назад.

«Четыре!» – осторожно опустил их, чтобы не плеснуть.

И заново, и так далее, не отвлекаясь на посторонние мыс-

ли.

Вот тот же Андрей – не думает черт знает о чем, а сканирует пространство взглядом, словно спаренный пулемет. Или Костя Ларин по прозвищу Лори, который сидит на носу лодки. Он уж точно – весь внимание и, наверное, даже не моргает. Впрочем, он же чемпион города по «гляделкам»: выкатывает глазища на целых полчаса, не меньше.

Ну а командир? Лешка мельком оглянулся на передовую лодку. Конечно же, Бурят застыл на ее носу гранитным валуном. Кряжистый, почти квадратный, он всегда двигается как-то боком, словно гигантский краб, но при этом стремительно и бесшумно. Ему чуть за сорок, а он весь седой, и всегда таким был, сколько Лешка себя помнит. На веслах в той лодке вальяжный чернявый Паша Грач с длинным подбородаком, наверняка сейчас еще и сосредоточенно выдвинутым вперед. И даже болтливый Шорох, расположившийся на корме, весь обратился в зрение и слух. Хотя как раз у Лешки слух идеальный, но Жека смотрит на него снисходительно, мол, кому сейчас нужна твоя музыка, Бемоль несчастный...

Андрей насторожился, мотнул головой и просигналил: «Уже скоро».

Лешка взял чуть правее и усмехнулся про себя. А вот и нужна музыка. И книги нужны, и картины, и рыжие бархатцы на маленьких клумбах возле чудом уцелевшего детского сада «Мишутка», и вообще все, что помогает человеку оставаться человеком. Лешка – отличный снайпер, ножи лучше

всех метает. Мог бы жить и в ус не дуть, но все-таки уничтожать – не создавать.

Две лодки одна за другой скользили по воде, приближаясь к сухим зарослям густого камыша, над которыми уныло нависали темные, еще голые деревья.

Лешка еще раз оглянулся, чтобы сориентироваться, и тут росшая у самого берега высокая сосна полыхнула ярким молочно-белым светом, и по водной ряби заплясали рваные сполохи.

– Табань!

Лешка резко выдохнул от напряжения. Андрея качнуло вперед, но рыльце его автомата вновь моментально устоялось куда-то за Лешкино плечо.

– Тихо, парни, – пророкотал Бурят. – Тихо.

Через пару секунд дерево погасло и зашипело, окутавшись черным дымом, словно гриб-дождевик, разбрасывающий споры. Шипящая туча сорвалась с ветвей, быстро пронеслась над лодками, повернула назад и растворилась в прибрежных зарослях.

Лешка, выпустив весло, отмахнулся от жука величиной с патрон от «макарова», который ткнулся ему в плечо, бледно мигнул и понесся вслед за роем.

Тишина. Мягкий плеск черных матовых волн о борта лодок. Утренние сумерки клубились туманом.

Бурят некоторое время всматривался в берег, потом командовал, уже не таясь:

– Вперед.

Грач, а следом и Лешка вновь налегли на весла.

Это повторилось еще трижды: на берегу вспыхивало дерево, почти тут же гасло, шелестящая туча перелетала чуть дальше и на некоторое время затаивалась.

– Отец мне рассказывал, – тихо проговорил Андрей, чуть подавшись к Лешке, – как до войны дачу строил. Двухэтажную, с широкой лестницей. И напротив каждой ступеньки светодиоды вмонтировал. Идешь – загораются. Прошел – погасли. Ничего не напоминает?

– Думаешь, нас кому-то подсвечивают? – хмыкнул Лешка, ощущая, как по спине пробежал неприятный холодок.

Андрей вдруг подобрался, прищурился и указал кивком: – Пристань.

Они причалили недалеко от заброшенной спасательной станции, в густых прибрежных зарослях, затянутых туманом. Вытащили обе лодки повыше на берег и выбрались из тяжелых отсыревших кустов на заросший молодой травкой пляж, где ржавели покосившиеся грибки, турники и одинокий катамаран с пробитым, точнее прокушенным, днищем. Чуть дальше виднелись кабинки для переодевания, исклеванные пулями, и высился неприветливый лес.

Бурят постоял, раздувая ноздри, окинул отряд цепким взглядом и махнул рукой: «За мной».

«Интересно, а здесь что-нибудь изменилось с ноября? – подумал Лешка, вешая на плечо СВУ. – Хацуньская анома-

лия вон как сдулась. Глядишь, скоро и радиосвязь к нам пробьется, и в Брянск напрямик по дороге топать станем, а то и по железке ездить. Это тебе не водные кругаля наматывать».

Вдруг шедший впереди Андрей замедлил шаг.

– Что? – шепнул Лешка.

– Да хрень какая-то, – Андрей повел плечами.

– Стоять, – бросил Бурят, вместе с Пашей осматривая ряд черных изогнутых кольев, преградивший отряду путь. – А лучше вообще отойдите.

– Будто глаз закопали, а ресницы наружу, – с тихим смешком заметил Жека, отступив к Андрею и Лешке.

Грач тронул дулом карабина одну полутораметровую «ресницу», и из-под земли взметнулись гигантские зеленые челюсти с алой пастью. Бурят отскочил, дуплетом разрядив обрез и чуть не упав, а Паша внутри схлопнувшихся челюстей глухо взвыл и умолк.

– В морду не стрелять! – Бурят отбросил дымящийся обрез и выхватил второй такой же. – В морду не стрелять!

Они всадили в мохнатый стебель десятка три пуль, а потом Жека и Андрей подскочили вплотную с самодельными мачете. Челюсти шипели, колотились о землю, но не раскрывались. Из ран на стебле толчками выплескивался густой мутно-зеленый сок с красными прожилками.

Когда стебель все же перерубили, Жека и Андрей всунули лезвия между челюстями, с трудом отжали несколько сантиметров, и тут мясистые створки, чавкнув, раскрылись сами.

Жека уронил мачете и отскочил в сторону, давясь спазмами, а Андрей тяжело задышал ртом.

– Черт, здесь даже хоронить нечего! – Лори выругался. – Что это за фигня вообще?

– Похоже на венерину мухоловку, – зачастил Лешка, отвернувшись и сглатывая. – Наверное, какой-нибудь любитель экзотики завел себе цветочек в оранжерейке, а когда шарахнуло... вот и результат. Странно, что мы на нее в прошлые рейды не напарывались. И местные ничего не говорили, может, недавно завелась?

Андрей пробормотал что-то насчет Пашкиного карабина, и Лешка услышал, как за спиной тихо чмокнуло. Он содрогнулся, потом неловко выдернул из чехла саперную лопатку и присоединился к мрачному Буряту, копавшему яму возле самых челюстей.

Минут двадцать спустя отряд вышел к облезлому домику, густо оплетенному коричневым плющом. Когда-то здесь было кафе: сохранилась вывеска «Белый Берег», сквозь разбитый камень дорожки и упавшую металлическую оградку топорщились весенняя трава и молодой папоротник. Лешка отрешенно заметил, что у папоротника очень смешные побеги, мохнатые и закрученные бубликом, словно щенячьи хвосты на рисунках детсадовской малышни.

Костя, шедший замыкающим, наступил на черный прут поваленной ограды и взвыл. Он успел даже сделать пару вы-

стрелов, прежде чем зеленые челюсти чавкнули и захлопнулись, а товарищи открыли огонь.

– Назад! – в оконном проеме бывшего кафе появился незнакомый боец, высокий, плечистый, в плотно набитой разгрузке. – В укрытие!

Увидев, что он целится из автомата с подствольником, Лешка ощутил горячий толчок внизу живота и метнулся за толстую сосну.

Грохнуло.

Выждав пару секунд, Лешка выглянул из-за дерева. Большие распахнутые челюсти, в которых виднелось что-то темно-красное, лежали неподвижно, а вокруг, как с ужасом понимал Лешка, разметало взрывом еще несколько челюстей помельче. Если бы Жека с Андреем пошли на мухоловку с мачете, как в прошлый раз... Лешка невидяще уставился на перекрученный металлический мостик через канал. Арматура торчала во все стороны, и мостик напоминал гигантскую гусеницу, ошетилившуюся ядовитыми волосками. В голове Лешки звенело, путались какие-то обрывки мыслей, и он едва смог выговорить главное, что лихорадочно стучало в висках:

– Эта дрянь за нами охотится!

– Она на всех охотится! – рывкнул незнакомый боец, перемахивая через подоконник. – Вы что, знака не видели? Я же на берегу знак воткнул, написал на доске, чтобы не дергались никуда и проводника ждали!

Бурят, шагнув из-за широкого корявого ствола, утыканного осколками, покачал головой:

– Не было никакого знака.

– Зато там Паша Грач погиб, – процедил Андрей. – Его сожрала вот эта вот зеленая тварюга. Так что был ли знак, мужик?

– Был, – боец сердито посмотрел прямо в глаза Андрею. – Был! Значит, эта дрянь теперь и здесь развлекается. Черт, не знал, что мухоловка научилась через канал перебираться... Мы же в подвале ночевали, а там не слышно ни хрена.

– Мы?

– Я и мой барбос. Не пугайтесь, он не кусается. Но и его не пугайте, уговор?

– Уговор, – помедлив, отозвался Бурят.

Боец вздохнул и дружелюбно протянул руку:

– Егор Лихачев. Можно Лихач. А ты, видимо, Бурят?

– Он самый. – Бурят ответил на приветствие. – Имя не скажу, все равно никто не запоминает. А это Андрей, Жека и Лешка.

– Ага. Ну а барбоса моего зовут Север. Он показываться не спешит, потому что... просто потому что. Итак, вам нужно объяснить диспозицию, вы же в своем Карачеве без связи сидите, верно?

– Да уж объясни, – скупое кивнул Бурят. – А так-то много-много изменилось за полгода.

– Объявилась достаточно умная венерина мухоловка. То,

что вы видели, — лишь малая часть одного растения, потому как все челюсти между собой корнями связаны. Где центр, хрен его знает, но найду — выжгу к чертям. Этот цветочек и до Войны особой милотой не отличался, — Егор улыбнулся краешком губ, — а теперь мутировал в очень... нервную тварь.

— Гигантская мухоловка, — повторил Бурят ровным тоном. — Нервная тварь.

— Именно. Сюда, по эту сторону железки, с декабря никто и носа не кажет, мухоловка жрет только в путь. Зима ей ни-почем.

— А ты почему здесь? — подозрительно спросил Андрей.

— Север чует эти сволочные челюсти, а я умею их обходить, — Егор повел рукой. — Вот мы и ждали, пока лед со Снежети не сойдет, а зубастые вонючие лоси подальше не откочуют и путь вам не освободят. Дед Семен сказал, первый отряд из Карачева обычно в это время и приходит.

— Дед Семен? — обрадовался Лешка, не обратив внимания на предупреждающий взгляд Андрея. — Жив? Он же болел здорово!

— Говорит, передумал помирать, — Егор доброжелательно кивнул. — Больно жить стало интересно.

Лешке Егор нравился все больше и больше.

— А что ты вообще забыл в Белых Берегах? — снова вклинился Андрей. — Ты же явно не местный.

— Людей отсюда вывожу.

– Как-то не сходится, Лихач. Сам говорил: сюда никто не суется.

– Ну вы же сунулись.

Помолчали.

Лешка подумал, что ему очень хочется верить этому Лихачу. К тому же что им еще остается? Они столкнулись с жуткой мухоловкой и дважды потерпели поражение. Если есть шанс убраться отсюда живыми, надо им воспользоваться. А уж как вернуться в Карачев, они потом придумают. Обязательно.

– Послушай, Егор, – медленно проговорил Бурят. – Я уже двоих потерял. И нас ждут в Брянске. Хотел вести – веди. Только больше пары гранат не дам.

– Оставь себе, пригодятся, – Егор потер лоб. – Ладно, давайте похороним вашего парня и пойдем.

Немного постояв над могилой, освещенной неярким утренним солнцем, Бурят вздохнул и посмотрел на Егора.

Тот вдавил в земляной холмик гильзу от автомата и заговорил:

– Напрямик к вокзалу дороги нет. Север в ту сторону даже смотреть не хочет. Пойдем кругом, мимо стадиона, дальше – по Пролетарской до «пожарки», а потом – по Коминтерна до железки. И вернемся по шпалам.

Егор решительно кивнул сам себе и зашагал вдоль канала, не заботясь о том, следуют ли за ним остальные. Из-за угла

бывшей кафешки выскочил крупный черно-белый хаски и устремился следом за хозяином.

Лешка удивленно присвистнул. Андрей переглянулся с Жекой, хмуро покосился на Бурята и качнул головой, однако тот жестом приказал идти за непрошеными проводниками.

Лешка повесил на плечо СВУ и заторопился за Егором и Севером.

От канала тянуло сыростью и грязью, кое-где на берегах еще лежал снег. Лешка с наслаждением щурился на солнце и страшно хотел потрепать Севера по стоящим торчком ушам. Он почти собрался с духом спросить у Лихача, можно ли погладить его барбоса, как впереди показался еще один железный мост. На первый взгляд с ним все было в порядке, но Север, принюхиваясь и чутко поводя ушами, перешел на осторожный шаг. Движения Лихача приобрели необычайную плавность. Казалось, армейские ботинки с высокими берцами едва касались мостового настила.

– Чисто, – негромко сказал Егор, чуть обернувшись. – Ступайте осторожней. Она корнями чувствует, когда топают.

Через несколько минут они вышли на улицу, на другой стороне которой виднелся стадион, и двинулись дальше мимо детского сада и школы. На перекрестке Север остановился и рыкнул на полусгнивший остов «жигуленка».

Егор подал знак обходить и двинулся левее. Бурят, Лешка и Жека последовали за ним, а Андрей, недобро покосив-

шись на Лихача, чуть приотстал и шагнул к машине. «Жигуль» подбросило с таким грохотом, будто под ним взорвалась связка гранат, и вскрикнувший Андрей наполовину исчез в зеленых челюстях. Мухоловка выпрямила стебель и с хлопаньем втянула в створки бессильно мотавшиеся ноги.

– Черт! – заорал Егор. – Вот черт! Ходу!

Но шипящие зеленые челюсти, разбрасывая куски асфальта и мерзлой земли, выныривали уже со всех сторон, и Север круто свернул в единственный просвет между ними – к двухэтажному кирпичному зданию с зарешеченными окнами и небольшой пристройкой. Между короткими очередями Егор прокричал:

– За ним! И на крышу!

Первым до здания добежал Жека, подставил руки, подбросил на пристройку Севера и Лешку, потом Егора. Пока Лешка втягивал Бурята, Егор и Жека, рычащий не хуже Севера, выпустили по челюстям остатки своих магазинов.

– Еще выше! Она сейчас плети выпустит, может достать.

С пристройки наверх вела приставная деревянная лестница, по которой и забрались на крышу основного здания. Егор тяжело лез последним, подхватив Севера под мышку, и Лешка, всаживая в алые глотки пулю за пулей, с отстраненным интересом слушал, как хаски свирепо ругается на своем языке.

Мухоловка бесновалась внизу, хватала створками углы здания, скрежетала «ресницами» о железные двери.

– Надеюсь, не прорвется, – спокойно сказал Егор, вставляя новый магазин. – Мы здесь уже пару раз пережидали. Правда, тогда ее бродячие псы отвлекли, кушать-то ей всегда хочется... Командир, пойдем осмотримся на всякий случай.

Что тут осматривать, подумал Лешка, трясущимися руками заряжая СВУ и пересчитывая оставшиеся патроны. Покатая шиферная крыша, кирпичная труба да слуховое окно. «Ни за что. Ни за что не попадусь. Ни за что...»

– Сюда, – Егор распахнул маленькое чердачное окошко. – Парни, вы тут покараульте, вдруг псы или кабаны заявятся, у них миграция сейчас. Тогда покричите, может, нам снова повезет, и мухоловка отвлечется. Удерем под шумок.

Егор и Бурят исчезли в темноте. Север почесал за ухом, зевнул с надрывом и полез следом.

Лешка прерывисто вздохнул. Жека достал самокрутку, нервно хлопнул по карману.

– А, черт, зажигалку обронил.

Он посмотрел вниз.

– Лешка, прикрой. Я на пристройку спущусь.

– Сдурел?

– Это отцовская зажигалка, понял? Да не достанет эта чертова ромашка, не бойсь. Вон, даже бошки свои отвернула.

Лешка вытянул шею. Все челюсти – и большие, и маленькие – и правда, сомкнулись и склонились к самой земле. Жека буквально съехал по лестнице на крышу пристройки и нагнулся за зажигалкой.

Он не успел даже вскрикнуть, как две зеленые плети захлестнули его плечи и ноги, а третья крепко запечатала рот. Лешка не знал, куда стрелять: челюсти не реагировали, мерно покачиваясь из стороны в сторону, а места, откуда выросли плети, он не видел. Жека мычал и дергался. Лешка скрипнул зубами, быстро отложил СВУ, выхватил широкий нож и бросился вниз.

Он на лету перерубил кинувшуюся было на него плеть, перерезал державшие Жеку зеленые путы. Губы и затылок Жеки были в крови.

– Живой? Давай наверх, скорее!

Жека сплюнул, сунул в карман зажигалку и стал подниматься.

Лешка настороженно оглядывался, но удар все-таки пропустил. Зеленая плеть обхватила шею, сжала, больно клюнула. Лешка оттянул шершавую петлю, просунул под нее лезвие и полоснул с нажимом. Хватка ослабла, и он буквально запрыгнул на лестницу.

Добравшись до крыши, Лешка обессиленно выдохнул и растянулся на шифере. Затылок здорово припекало.

– Жека, глянь, что там?

– Кожу содрала, и все. У меня – то же самое. Ух, тварюга. Слушай, Бемоль, давай-ка Лихачу и командиру ни слова. Понял?

Лешка нахмурился:

– Меня вот что волнует. Почему она не стала нас убивать?

Может, яд впрыснула?

– Да брось, – фыркнул Жека. – Был бы яд – мы бы уже заживо переваривались.

– Эй, парни, – слышался из слухового окна голос Егора. – Как дела?

– Никого нет, а тварь вроде как заснула.

– Караулит она, и не надейтесь. Ладно, давайте сюда. Надо подождать, пока солнце как следует пригреет. Мухоловка это дело любит, расслабится, разнежится. Глядишь, и проскочим. А пока поспите, вы же с ночи на ногах.

Здание когда-то занимала местная администрация, поэтому устроились на широких столах в небольшой комнатке на втором этаже. Север улегся на пороге, а Лихач встал на дежурство к окну.

Лешка никак не мог заснуть. Затылок саднило, обдавало горячими волнами. Он украдкой взглянул на Жеку, лежавшего напротив. Тот спал и чему-то улыбался. Лешка вздохнул, повозился немного и, наконец, задремал.

Ему снилось, что он смотрит на Белые Берега сверху. Весь город был затянут серым дымом, а от железной дороги до водохранилища густо, словно кулеш в котле, бурлила тьма и явно хотела перелиться через край. Лешка спустился ниже, еще ниже, увидел кирпичное двухэтажное здание, заглянул в окно на втором этаже и увидел сидящего боком на подоконнике Егора.

«Человек с собакой, – шипели снизу челюсти, окружив-

шие здание. – Нужен человек с собакой. Отдай человека, отдай собаку. Замани, просто замани к нам. Подтолкни его. Тогда уйдешь, спокойно уйдешь. Тебя ждут дома, иди домой. Никто не тронет».

Лешка вновь поднялся на высоту, и его тело рассыпалось тысячами светляков.

Лешка проснулся от горячего толчка в затылке и некоторое время лежал, широко раскрытыми глазами глядя в стену. Рана не ощущалась, кожа на шее и затылке онемела. «Человек, – стучало в висках. – Со-ба-ка».

Лешка крепко зажмурился.

Мухоловка. Все-таки впрыснула в него что-то. Егор и Север для нее – две большие мухи, а он, Лешка, должен стать приманкой. А если не согласится, то умрет. Он сам теперь и есть мухоловка! А Жека?

Лешка осторожно повернул голову и увидел каменное лицо Жеки.

– Выйдем, – одними губами сказал тот.

Они тихо поднялись. Егор глядел на них с удивлением.

– Поссать, – шепнул Жека и приложил палец к губам, указав взглядом на спящего Бурята.

Егор кивнул, показал знаком «выйти и направо» и вновь повернулся к окну.

Лешка и Жека молча побрели в самый конец коридора.

– Тебе это снилось? – тихо спросил Лешка. – Мгла в го-

роде? А потом мухоловка сказала заманить Егора и Севера?

– Ага. И еще светляками в небе рассыпался.

– Ну, и что делать будем?

Жека промолчал, только поморщился.

– Я вот думаю, – Лешка тяжело вздохнул, – надо все Егору рассказать.

– Он тебе пулю всадит промеж глаз, – мрачно отозвался Жека. – А Бурят добавит. И будут правы. Нет, Лешка, тут надо хитрее. Надо обмануть эту чертову капусту. Блин, ну это же просто долбаное растение! Потянем время, выберемся на железку, потом айда до Брянска. Черта с два она там достанет. Я точно знаю, что не достанет.

– Что ты знаешь, то и она знает, – медленно проговорил Лешка. – Мы связаны, Жека, мы с ней крепко связаны.

– И что?! – зашипел Жека. – Вот что ты предлагаешь?! Самому себе пулю в лоб пустить? Нет, ты как хочешь, а я еще поборюсь.

Он сердито развернулся и пошел обратно.

Либо мертвый человек, отстраненно подумал Лешка, либо ходячая мухоловка. Небогатый выбор.

К его удивлению, снова заснуть все-таки удалось.

Во сне Лешка ничего не видел, зато чувствовал восхитительный привкус крови.

В час дня Егор всех растолкал, и Бурят отправил Жеку с Лешкой на крышу осматриваться. Они больше не разговаривали, только хмуро рассматривали разомлевшие в солнеч-

ных лучах зеленые челюсти с алым зевом, растопырившие гигантские щетинки.

Лешка оглядел окрестности, сжав зубы. Последний день, думал он, сегодня мой последний день, если мы не доберемся до железки или... если голос мухоловки не умолкнет. Тогда либо жить в страхе, либо...

Да, либо.

Потому что мухоловка рано или поздно захватит его. Она станет управлять его телом так, как управляет этими челюстями и светлячками. Он будет вечно подманивать к себе людей, чтобы мухоловка жрала и радовалась. А он станет питаться объедками.

И договориться с этим злом нельзя. Если ты решишь проделать такое, то ты сам подлое, трусливое, дрожащее зло.

Лешка решительно кивнул сам себе.

«Подумай, – вкрадчиво прошелестело в голове, – подумай хорошенько. Кто тебе Егор? Отец? Брат? Да вообще никто. Будь он на твоём месте, он бы вас всех сдал с потрохами. Он своего барбоса любит больше, чем людей. А тебя мама ждет. И Анютка. И даже малышня из чудом уцелевшего детского сада «Мишутка». Кто будет играть им на пианино и гитаре? Разучивать с ними песни? И кто будет ходить в рейды и защищать город от мутантов, а, боец?»

Лешка с силой потряс головой, даже по лбу постучал.

– Я лично насмотрелся, – хрипло сказал Жека. – Идем.

Первым на землю спустился Егор и поставил на лапы Се-

вера.

Жека шел вторым, и Лешка заметил, что движения его были какими-то очень легкими и отточенными, словно он танцевал под слышную только ему мелодию. Сам Лешка никак не мог отделаться от свистящего шепота в голове, и это порядком отвлекало.

«Солнышко, солнышко, весеннее солнышко, оно такое теплое, греться, греться на солнышке, раскрыться, вытянуться, задремать. Мухи ходят, четыре большие мухи и одна поменьше, кушать хочется, но сначала погреться, немножечко погреться, так давно не было солнышка. Нет, не буди нас, Венера, не хотим, ну, пожалуйста, хорошо, сейчас поймает, сейчас, только еще чуть-чуть погреемся...»

Лешка тихо брел в опасной близости от десятков челюстей и втягивал воздух сквозь зубы. Когда эти голоса умолнут? Когда?!

Идущий впереди Жека догнал Севера, рассеянно кивнул, чуть повернулся и выстрелил хаски в голову.

– Стоять, – спокойным голосом сказал он, направив оружие на Егора. – Она меня выпустит. И Лешку, и Бурята. Я договорился. Без обид, Лихач, но тебя сейчас будут жрать. А своих парней я спасу.

– Шорох, – веско проговорил Бурят. – Не дури.

– Никого! – взорвался Лешка. – Никого она не выпустит! И тебя одного тоже! Думаешь, притихла, чтобы ты ушел? Да она тут все корнями опутала, предатель!

Не помня себя от боли, которая заколотилась в висках, Лешка выхватил метательный нож, и мгновение спустя Жека с хрипом осел на землю.

– Бегом! – выкрикнул Лешка. – Егор, туда, скорее!

Они помчались мимо проходящих в себя челюстей. Из-под земли выскакивали мелкие, более подвижные челюсти, шипели и пытались цапнуть за ноги. Из травы выхлестывали плети, но всегда чуть с запозданием.

«Уходят! Уходят! Скорее! За ними! Я тебя не выпущу, никуда не выпущу, я буду управлять твоим телом, ты будешь думать и чувствовать то, что я тебе скажу! Ты станешь моей лучшей мухоловкой!»

– Заткнись! – орал Лешка, отстреливаясь из СВУ. – Заглохни! Черта с два! Сдохни, сука, тварь! Заткнись!

Втроем они выскочили на Вокзальную улицу и помчались по ней что есть духу. Позади шипело, клацало, свистело и взрывало асфальт.

Пора, подумал Лешка. Ну, давай же. Сейчас.

Он отбросил разряженную СВУ и остановился. Потянул из-за пояса пистолет.

Тут же остановились и Егор с Бурятом.

– Бегите! – крикнул Лешка, кривя посеревшие губы и морщась от воплей в голове. – Мне с вами нельзя. Она внутри меня, понимаете? Я – это мухоловка. Рано или поздно я сойду с ума или стану монстром. Не хочу.

Он посмотрел на пистолет в своей руке и приставил дуло

к виску.

– Нет! – Егор и Бурят одновременно бросились к Лешке. А Лешка закрыл глаза, подумал, что наконец-то настанет тишина, глубоко вздохнул и нажал спусковой крючок.

– Очнулся? Ух, и повезло тебе, парень.

Егор? Живой? Лешка заморгал, узнав вокзальный медпункт, выдохнул что-то невнятное, хотел приподняться, но от правого виска до затылка стрельнула острая боль, и он застонал.

– Да ты башкой-то не крути, ей и так досталось.

– Бурят? – Лешкин голос дрогнул и сорвался.

– Он самый, – сварливо, но при этом как-то весело проговорил Бурят. – Лежи, кому говорю.

– Ты иди, командир, насчет дрезины-то, – подмигнул ему Егор. – А мы потолкуем.

Бурят хмыкнул, кивнул и ушел.

– Короче, – Егор вздохнул, провел рукой от затылка до лба, взъерошив волосы. – Бурят успел сбить твою руку, и выстрел прошел вскользь. Можешь смеяться, но мы таки добрались до вокзала. Плюнули на все и рванули напрямик. Тот еще был забег! Кругом челюсти чавкают, плети летают, жуки какие-то прицел сбивают. Я гранаты швыряю и палю, Бурят тебя на плечах тащит и тоже палит, ты висишь и блюешь. – Егор ухмыльнулся. – Крутой мужик твой командир, да... И молчаливый. Это хорошо. Потому как если совсем

по делу, то я осмотрел твою рану, обнаружил зародыш мухоловки и вырезал его.

– Что?!

– То! Плеть же не просто так в шею ударяет, она зародыш подсаживает. С виду и не поймешь, глубже щупать надо. Это небольшой такой корешок, – Егор показал пальцами около сантиметра. – Через него мухоловка с тобой говорит и знает, где ты находишься. Контролировать, правда, не может, и на том спасибо.

– Пока не может, – вырвалось у Лешки.

– Пока, – согласился Егор. – Пока что зародыш удаляешь – и все, мухоловка тебя потеряла.

– Не совсем, – мрачно сказал Лешка, осторожно приподнявшись на локте. – Она через светляков видит.

– Да? – нахмурился Егор. – Не знал. Развивается, тварь.

– А ты вообще откуда столько знаешь? – Лешка тоже нахмурился и сел. – И про мухоловку, и про зародыш?

Егор помолчал, потом усмехнулся:

– Оттуда, что тоже таким был. Только зародыш я себе сам вырезал. Чуть копыта потом не отбросил, конечно, но ничего, выжил. Об этом никто не знает, вот и ты помалкивай. А то те же местные загонят вилами в сарай и сожгут на всякий случай.

– Так челюсти чуял ты, а не Север? – осенило Лешку.

– Ну, он же умный барбос был, что-то тоже чуял...

Помолчали.

Лешка вспомнил Жеку, закрыл глаза и со стоном выдохнул сквозь зубы.

– Спасибо, – словно о чем-то догадавшись, тихо сказал Егор и неловко обнял Лешку за плечи. – Я вот уверен, что каждый человек сам для себя решает, кем ему быть и что делать. Предавать или быть верным. Убивать или щадить. Стоять насмерть или сдаться. А мухоловкин голос в голове, он же так, ерунда, внешний шум. Главное – как ты сам для себя решил. Вот и я здесь не просто так ошиваюсь. Решил найти и спалить эту дрянь, пока совсем не расплзлась.

– Вот что, – Лешка подумал и кивнул сам себе. – Я останусь. Походим тут вместе, посмотрим. В общем, устроим твари концерт по заявкам. Бурят с челноками до Брянска доберется, расскажет там все, может, придумают что-нибудь. Вон, с козельчанами свяжутся. У них, поговаривают, какая-то шахтная пусковая установка сохранилась, вот бы шархнуть...

– Ракетой по мухоловке? – захохотал Егор. – Это покруче будет, чем из пушки по воробьям!

– Да не в том дело! – нетерпеливо отмахнулся Лешка. – Понимаешь, у меня такое чувство, что это... ну, не просто мутант, не просто какая-то гигантская венерина мухоловка, которая светляками командует. Она что-то гораздо, гораздо большее! Она показывала, что по всему городу расплзается. И потом... я слышал, как челюсти говорили про какую-то Венеру, чтобы не будила их. Не сами же с собой они разго-

варивали.

– Венера? – задумался Егор. – Не знаю, парень... Очень может быть, что и большее. Узнать бы только, что это за Венера.

* * *

Венера немного успокоилась. Один убит, двое сбежали, зато этот упрямец убил себя сам. Венера его больше не чувствовала, не ощущала его страха, отчаянного желания вырваться и в то же время – упрямой решимости не сдаваться. И пес тоже сдох. Неплохо.

Теперь можно и отдохнуть. Возможно, люди когда-нибудь догадаются, что Венера живет своей, особенной жизнью. Но это наверняка будет еще очень, очень не скоро. А к тому времени она сможет управлять не только жучками и хищной мухоловкой.

Спи, Венера, пора отдохнуть. Она совсем недавно придумала себе такое имя взамен старого, и оно ей очень нравилось. Город Белые Берега умер в Третьей мировой, зато родилась она, Венера – разумная аномалия, разумный город, город-монстр.

Венера поежилась под покрывалом вечерних сумерек, обрушив пару дряхлых домиков на окраине, и задремала.

Станислав Богомоллов

Оборотень

Нет, все же у точного распорядка дня свои плюсы. Пусть невероятно скучно, пусть надоедает все до чертиков. Зато чуть ли не до секунды знаешь, когда и что произойдет. И часы не нужны. События движутся по кругу, заканчиваются и начинаются снова. День за днем...

Поэтому, когда дверь моей камеры вдруг заскрипела, открываясь, я удивленно повернул голову. Странно. По моим расчетам, до кормежки оставалось еще как минимум два часа. Кого еще сюда принесло? И за каким фигом?

На пороге с совершенно безразличным видом стоял часовой. Без миски с баландой. Зато с направленным на меня пи-сто-летом. Другой рукой он показал в сторону дверного проема.

– Шевелись. Господин не будет ждать, – произнес мой неожиданный гость.

Скупое. Но настойчивость приглашения понятна. И, зная скверный характер зашедшего ко мне мужика, лучше не медлить. Нарочито лениво поднявшись, я молча вышел из камеры. Хотя меня конвоировал всего один человек, и мои руки были свободны, мне бы не дали улизнуть. Часовой сразу же загородил проход и жестом показал, чтобы я шел в глухой

торец коридора. К комнате для допросов. Так-так, интересно...

Отведя меня к дверному проему, из которого пробивался белый свет, конвоир жестом приказал зайти внутрь. Очутившись в комнате, я остановился и прищурился. Все же освещение в моей камере было гораздо хуже. Позади лязгнула обитая железом тяжелая дверь. Затем раздался звук поворачивающегося ключа. Меня заперли.

Странно, но в довольно просторном помещении, кроме меня, никого не оказалось. Может, я просто не так понял фразу: «Господин не будет ждать?»

Ой, какая разница? Зато хоть что-то новое за последний год. Неспешно обойдя стоящий посреди комнатки прямоугольный дубовый стол, я уселся в крутящееся кожаное кресло. Ух, удобное! Похожее было у нашего боцмана... Давно не сидел на подобных. Расслабившись, я закинул ногу на ногу, положил руки на подлокотники и уставился в находившуюся прямо напротив меня дверь. Что ж, взглянем на этого господина.

Мне не пришлось долго ждать. Минут через десять послышались шаги нескольких человек. Заскрежетал ключ. В распахнутую дверь, грузно топая ногами в тяжелых сапожищах, ввалился здоровенный бородатый амбал с обрезом в руках. На рукаве военной куртки – нашивка витязя. Ох, кого это у нас повесили! Зиновьева-Крушителя! Даже такие дегенераты, как этот, умеющие лишь бить и не бить, нынче дворяна-

ми становятся? Матерь Божья, куда мы катимся...

Следом появился еще один охранник, которого я не знал. А вот третьим оказался отлично знакомый мне субъект. Светловолосый паренек двадцати семи лет с жестким волевым лицом. И с не по годам высоким званием. Алексей Брусиловский – герцог Истринский и Манихинский, владыка Новоиерусалимский. Больше двух тысяч душ в подчинении. А еще он – лучший друг церковников и сам набожен до ужаса. Ну, и что ему от меня надо? Неужто будет просить покаяться ради спасения некой бестелесной сущности?

– Александр Кущев, – на лице герцога возникла хитренькая улыбка, – рад видеть тебя живым и здоровым.

И это мне говорит человек, который сам же меня за решетку упрятал.

– Не вашими стараниями, – ответил я как можно равнодушнее. – Ваша светлость, оставьте все эти шарканья ножками на потом. Знаете же, что я их не люблю. Скажите, зачем вытащили меня из берлоги?

Герцог неспешно уселся в точно такое же кресло напротив меня. Поправил полы алого плаща с вышитым на нем православным крестом и положил украшенные роскошными перстнями руки на столешницу. Ох, уж эти затеи наших господ. Двадцать лет прошло, а до сих пор иногда удивляет новый порядок. Все эти графы-герцоги, витязи-дружинники, псы-ищейки, крепости-остроги, феодалы-волости... Российская империя с примесью Средневековья. Боже, Форпост

храни, е-кэ-лэ-мэ-нэ...

– Возникли небольшие проблемы под Истрой, – сказал владыка, – нужно поймать одного мутанта. И ты пригодишься в поимке этого адского создания.

– И без меня, конечно же, ни витязи, ни псы Господни не справятся, – улыбнулся я.

– Если бы могли, я бы с тобой не возился, – поморщился Брусиловский.

– И что же это за исчадие ада? – лениво поинтересовался я.

– Оборотень.

Пару секунд недоуменного молчания. Затем все же выдаю нечто среднее между смешком и покашливанием.

– Видишь ли, – начал рассказ герцог, – недель пять назад возле Истры кто-то стал нападать на охотников и собирателей. Три трупа в первую же ночь. Все жертвы – из ближайшей деревни, Рычкова. Через два дня – снова мертвец, на том же месте. Я отправил дружину в ту деревушку. Обыскали там все – никаких следов, кроме людских. Будто человек босой ходил рядом. Но все жертвы изгрызены и изорваны в клочья. Этого никак не могло сделать создание Божие!

Владыка прервался и внимательно посмотрел на меня. Похоже, моя реакция его сконфузила – на моем лице осталось все то же равнодушное выражение.

– Ну и? – спросил я.

– Две недели, пока витязи гарнизоном в Рычкове стояли,

не было ни одного нападения. Но стоило им уехать, как снова понеслось. Четыре убитых за неделю. И двое – опять на этом же пятачке, возле города, на лесной опушке... Я снова отправил туда витязей с опричниками в придачу. Ищейки из канцелярии осмотрели и допросили всех в округе. Сказали, что это точно не человек... Нет, конечно, мы пытались охотиться на эту тварь. Но куда там! К покойным собирателям добавилось трое погибших солдат. Трое!

– Так при чем тут я?

– Дослушай сначала, – огрызнулся герцог. – В общем, поняли мы, что эта тварь сильна и хитра. При этом она явно одна. По крайней мере, мои вассалы сделали такие выводы. Иначе жертв было бы больше, и они были бы в разных местах. Мои люди полезли по ее следам в лес и в итоге из охотников сами стали добычей. Она им головы заморочила. Заставила разделиться, затем начала отлавливать по одному... Больше в лес мы не совались. Решили ее выманить оттуда. Вот только этот чертов оборотень не лез в наши ловушки. Каким-то образом угадывал засады...

– Как он выглядит хоть? – поинтересовался я.

– В том-то и дело, – развел руками Брусиловский. – Его так толком никто и не разглядел. Он быстрый, как ветер! Это нечто неразличимое. Смазанное пятно...

– То есть вы даже не знаете, что это такое.

– Мутант сливается с местностью, как хамелеон. – Его Светлость выглядел обескураженным и каким-то... беспо-

мощным. Мне даже стало его немного жаль. – Его практически невозможно засечь глазами. Поэтому мы решили действовать по-другому...

– Положиться на уши, да? – уточнил я, начиная догадываться, в чем дело.

– На твои уши, – ответил владыка, – план таков. Мы ставим тебя на тот самый пяточок, где оборотень обычно нападает. Ты засечешь его приближение по звукам. И в нужный момент снайперы с ближайшей высотки его пристрелят.

– Бред, – хохотнул я, – в этом плане полно белых пятен. Крушитель недовольно зарычал. Еще бы, его Бога во плоти критикуют! Но Брусиловский успокоил его поднятой рукой.

– Кущев, у тебя же лучшие уши в Форпосте. Разве ты не справишься?

На «слабо» пытается взять. Нашел дурака!

– Без «шумового портрета» не вижу смысла браться, – заявил я, – к тому же дело не только во мне.

– Ну да, – согласился герцог, – тварь может не явиться или обманет тебя как-нибудь. Снайперы могут промазать, наконец. Но мы постараемся сделать все в лучшем виде. Не оставлять же этому демону жизнь... Тем более что у нас все же есть его «шумовой портрет». Моим бойцам удалось записать кое-что на диктофон.

Молчу, глядя ему в лицо и заложив руки за голову.

– Впрочем, если ты отказываешься... – улыбнулся влады-

ка.

– Верни меня в камеру, – произнес я, вставая с кресла, – ну тебя на фиг с твоим оборотнем.

– Сесть! – воскликнул Брусиловский так громко, что я невольно хлопнулся задом на кожаное сиденье. – Ты хоть знаешь, почему тебя тогда не вздернули сразу? Потому что я за тебя попросил. У меня хорошая память, Кушев, и я помню все твои прошлые заслуги. Вот и убедил царя, что ты еще пригодишься Форпосту. Но если он узнает о твоём отказе – тебя тут же удавят. Знаешь ли, царю давно уже надоело тебя кормить. Прошлый год выдался неурожайным. И лишние рты нам ни к чему.

Вот тебе раз. Дотрынделся. Хоть я и устал от жизни, но в этот момент понял, что помирать абсолютно не хочу. Да и не люблю я быть в долгу.

– Ладно, помогу, – буркнул я.

– Что, план уже не дебильный, да? – заржал Брусиловский. – В общем, так. Выезжаете сегодня же. Я позабочусь, чтобы вас немедленно снарядили всем необходимым.

Надо признать, он меня переиграл...

* * *

Конечно, сразу же защищать Родину меня не отправили. Сначала довольно вежливо проводили в душевую, затем постригли бороду и заросшую до невозможности голову, а по-

том отвели в столовую и щедро налили огромную плошку щей. Ну да, как же не покормить защитничка. А то, глядишь, помрет по дороге.

Сидя за столом, я уплетал восхитительно вкусный суп из щавеля и крапивы. Божественно! После практически целого года на баланде даже эта нехитрая пища казалась амброзией. Для меня еще и куриного мяса не пожалели...

Как мало человеку нужно для счастья.

А Брусиловский все же что-то недоговаривает. Скажем, для чего ему именно я, если живцом можно сделать абсолютно любого? Эффект будет тем же. А тепловизоры и приборы ночного видения на что? В Форпосте их навалом. Зачем ему вообще мои уши? Уши... Все дело в них, родимых. Что скрывать, я слышу гораздо лучше остальных. Таким родился, ничего не поделаешь. Вдобавок, профессия обязывает. Обязывала.

Я тяжело вздохнул, вспомнив кадры из прошлой жизни – заснеженные сопки, вздымающиеся морские волны и стройные ряды черных подлодок у города Полярного.

Подлодки... С детства от них фанатею. Как отвели в двенадцать лет в субмарину-музей, с тех пор ими и «заболел». До того момента я даже близко не представлял, какова подлодка изнутри. Сложнейшее, пугающее, но в то же время восхитительно-притягивающее инженерное сооружение, такое совершенное и такое аскетичное. Но больше всего меня поразило, когда экскурсовод рассказал мне про гидроакусти-

ка — человека, который слушает, что творится вокруг подлодки и фактически направляет ее, являясь и ее глазами, и ушами одновременно. Сделано это было с таким вдохновением и так красиво, что я сразу же и на полном серьезе захотел стать акустиком.

Идея эта со временем никуда не исчезла, только окрепла. И я начал готовиться к службе в подводном флоте. Многие меня отговаривали, твердили, что служить на субмарине — самоубийство. Сотни, если не тысячи раз припоминали, насколько опасна служба подводников. Но не смогли переубедить. Едва мне исполнилось восемнадцать, я бегом помчался в военкомат. И какова же была моя радость, когда мне заявили, что я годен быть акустиком!

Год в морской академии в Кронштадте. Затем — в Мурманскую область, в Полярный, знакомиться с моей «дизельной старушкой». Практика, учебные выходы, «автономка»... По возвращении в порт меня отправили в заслуженный отпуск. И только я приехал в родной Зеленоград, как вся планета накрылась медным тазом. А я остался жив. Товарищ по благу пригласил посетить необычное местечко. Посетил. Да так и остался тут...

Мои воспоминания прервал шум чьих-то шагов за спиной, хорошо различимый сквозь мерный гул людских голосов. Кто-то специально топал погромче, чтобы я обратил внимание. Оборачиваться я не стал. Захотят — подойдут по делу без этих фокусов. Нет — пусть катятся в Тартар.

– Здорово, Саныч! – раздался позади бодрый мужской голос. Очень знакомый голос. Как же я надеялся не встречаться больше никогда с его обладателем! Но, видимо, придется.

– Привет, Змей, – ровным тоном сказал я, продолжая хлебать щи. Хотя они уже не казались такими вкусными. Некоторые умеют испортить аппетит одним лишь своим присутствием...

Поприветствовавший меня обошел стол и сел напротив. Я уставился немигающим взглядом в знакомое до боли лицо. Витька Хромов... А ты ни фига не изменился. Все такой же лысый, как коленка. И рожей удава напоминаешь. Оттого и прозвали Змеем. Все та же широченная улыбка с парой золотых зубов и те же хитро бегающие глазки. Разве что одежда посolidнее. А вот бароном ты так и не стал, судя по все тем же нашивкам витязя на куртке. Неудачник!

– Рад тебя видеть, – сказал Змей. – Честное слово.

Ага, и я тебя, дружище. Настолько, что горю желанием схватить твою лысую башку и долбить ее о столешницу, пока либо одно, либо другое не треснет.

– Зачем пришел? – лениво поинтересовался я.

Спокойно. Держать себя в руках. Чтобы ни капли раздражения, язвительности или злобы. Не показывать свою слабость...

– А тебе герцог Истринский разве не говорил, кто будет руководить снайперской группой в твоём отряде?

Я замер, не донеся до рта галету.

– Только не говори, что ты.

– И не скажу, – пожал плечами Витя, – и так ведь уже понял.

Твою ж мать! Может, еще не поздно выбрать виселицу?

Не знаю, что отразилось на моем лице, но изо рта вырвалось только раздраженное хмыканье. Я нарочито громко застучал ложкой о дно тарелки.

– Слушай, Санечка. Мне и правда жаль, что так вышло. Клянусь.

– Чего же именно тебе жаль? – поинтересовался я. – Того, что ты на той пирушке повздорил с графом Снегиревским? Или что начал с ним драку и в итоге пырнул его моим кортиком? А может – что в смерти графа затем обвинил меня, в момент драки спящего бухим?

– Того, что ты сел, – сказал Змей.

– Забавно. Когда ты меня оговорил, совесть тебя не грызла. И когда Брусиловский меня за решетку упрятал, тебе тоже хорошо жилось. А сейчас что стряслось?

Молчание. Но, судя по осунувшемуся лицу бывшего товарища, он и правда чего-то стыдится. Слегка.

– Слушай, – поинтересовался я. – А ты хоть знаешь что-нибудь об этом оборотне? Кроме того, что эта тварь хитра, быстра и сильна?

– Она хладнокровна, – усмехнулся Витька, поняв мой намек. – Я сам принимал участие в охоте на нее, так что точно это знаю. ПНВ не поможет.

Так-так... Ясненько.

– И он подумал, что я, аки супермен, засеку это чудище суперслухом и направлю святое оружие возмездия прямо в цель, – усмехнулся я. – А ведь Его Светлость не из глупцов. Странно, что он загорелся этой идеей.

– Вообще-то, это мой план, – произнес Змей с нескрываемой гордостью в голосе, – я предложил его герцогу.

– А-а-а-а, – покачал я головой, – вот оно что. Действительно, сам Брусиловский не додумался бы до такой ерунды.

– Между прочим, я приложил гигантские усилия, чтобы вытащить тебя на волю, – пробурчал Витя. – Вижу, ты очень благодарен.

Ага. Прямо свечусь от счастья и готов целовать тебе ноги. Витя, я же подводник! Да у меня в лодке каюта была теснее, чем камера в здешней тюрьме! И к узкой кровати длиной в метр восемьдесят я привычен, и к грубому матрацу, и к тусклому освещению... Разве что питание здесь похуже, чем в субмарине, но на это как-то пофиг. Не подход же.

Мысли вихрем проносились в моей голове, а на лице не проявлялось ни одной эмоции. Я продолжал молча смотреть на Змея, и это пугало моего бывшего товарища. Он ожидал увидеть либо хотя бы скупую благодарность, либо ненависть. Но не это безразличное выражение. Равнодушие – самое страшное оружие. Никогда не знаешь, чего ожидать от человека...

Вот и Витя не ожидал, поэтому решил слинять подальше.

ше от греха. Нарочито неспешно встав (ой, не получилось у тебя скрыть эмоции, дружок, твое сопение выдает тебя с потрохами), Змей направился к выходу из столовой, бросив напоследок:

– Сбор через пятнадцать минут возле Западных ворот. Прошу не опаздывать. И это... Приятного аппетита, друг!

Клянусь, если он еще раз меня так назовет, я его придушу! Стисну в объятьях и переломлю пополам!

А ведь когда-то мы и в самом деле были – неразлейвода. Саныч и Змей. Закадычные дружки-напарники, одни из самых известных воинов в Форпосте. Идеальные глаза вкупе с идеальными ушами. Ох, и наворотили мы с Витькой дел когда-то! И в становлении Форпоста активное участие принимали, и в давней войне против манихинцев немало диверсий провели, и в разведку в неизведанные земли сколько раз ходили. Нас знали и уважали все...

Точнее, мы были популярны, как какие-нибудь телезвезды до Апокалипсиса. Потому что, когда меня заключили под стражу, отняв все имущество, никто за меня не вступился. Близких людей у меня было двое – граф Петр Снегиревский да Витька. Один убит, другой – его убийца. А вот если бы тогда с нами был кто-то еще, все повернулось бы иначе. Зря я согласился посидеть в тесной компании...

Так, хватит жрать. Странно, кстати, что мне позволили так вольно себя вести. И не боятся, что я сбегу. А может, попробовать?..

Фигушки. Стоило мне встать из-за стола, как подошли трое солдат, до того сидевших здесь же, и вежливо, но настойчиво попросили следовать за ними. В руках они сжимали стальные дубинки, готовясь в случае чего пустить их в дело. Да, я все еще под наблюдением...

Идем молча. Один конвоир – спереди, двое – сзади. Шагать нам прилично – минут десять. Западные ворота находятся на другом конце бункера. В уши врзается грохот шагов, перед глазами мелькают коридоры и бесконечные ряды дверей. Просто гигантское бомбоубежище. Даже целая сеть убежищ, способная вместить не одну тысячу человек. Помню, двадцать лет назад нас здесь больше трех тысяч набилось. Ох, сколько же сил приложило российское правительство, чтобы обустроить этот циклопический комплекс – не описать словами. Несколько уровней с жилыми отсеками, складами и техническими помещениями, сложнейшая система вентиляции, артезианские скважины, гигантское подземное нефтехранилище, множество выходов наружу в разных частях города... И все это – под зеленоградскими жилыми кварталами. Как такое чудо вообще удалось построить, да еще и незаметно для чужих глаз?

Сейчас под Зеленоградом живет меньше тысячи человек. Осталась только правящая верхушка во главе с царем, кое-кто из духовенства, инженеры и медики с семьями да немного солдат. Все остальные давно раскиданы по другим населенным пунктам. Кто-то почти не посещает основное убе-

жище, находясь с гарнизоном в каком-нибудь Дедовске, кто-то мотается на два дома, как тот же Брусиловский. А иные полегли в многочисленных стычках. Воюем мы часто. Одно хорошо – женщин в свое время спаслось много. Демографический кризис пока что не грозит...

– Ты опоздал, – недовольно произнес Виктор, когда мы подошли к тамбуру Западных ворот. На моих конвоиров он, как истинный благородный господин, не обратил внимания вовсе.

– Извини, бро, – улыбнулся я в ответ, – у меня же нет часов.

Не совсем правда. В столовке висели настенные часы. Но я имел в виду другое. Те самые карманные «Ориент» из нержавеющей стали, на которые Змей так деловито глянул только что, раньше были моими. Он вообще много чего моего прикарманил, я смотрю. Вон, кортик мой у него на поясе сейчас. Не удивлюсь, если Витек еще и в доме моем поселился, и сейчас спит в моей кровати. Завистник хренов...

– Герцог Истринский не потерпит задержек. Как и царь, – заявил Витя, – так что бегом напяливать «химзу»! Респиратор не бери, надевай «хобот» с тонированными стеклами.

Тоже мне, командир нашелся...

С нарочито равнодушной миной я направился к боковой двери. За ней находился склад. Костюмы химзащиты, респираторы, противогазы, фильтры, разгрузки, рюкзаки. А вот оружия нету. Жалко...

Подбор и надевание «химзы» не заняли много времени. Совсем скоро я снова стоял рядом со Змеем и еще десятком людей, подошедших за время моего отсутствия.

Быстро пробежавшись глазами по собравшимся, Змей дал приказ открывать «герму». Да, Западные ворота назывались так лишь для красоты. На самом деле это целая система дверей. Первая – огромная бронированная машина со смотровыми щелями и амбразурами для стрельбы. За ней – небольшой коридор с комнатой охраны и душевой для дезактивации. И еще одна стальная дверь, чуть поскромнее. Ее главный козырь – незаметность. С той стороны ее весьма непросто увидеть...

Покинув коридор, мы оказались... Нет, не на поверхности. На подземной автостоянке. Обычный паркинг под одним из жилых домов был превращен в гараж военной техники. Конечно, БТР и БМП сюда не влезут никак, поэтому они находятся в специальном ангаре в другой части города. Здесь то, что полегче – «Тигры», «Волки», узики, мотоциклы... Все, что мы привезли и приволокли из военных частей, коих в округе было в изобилии. Увы, не вся техника здесь была исправна. Почти половину притащили сюда в качестве доноров. Механики и технари целый день копались в этих железяках, разбирали, чистили, колдовали по-всякому и собирали из нескольких ржавых ведер хорошую крепенькую машинку. И автопарка вполне хватало, чтобы дать по зубам каким-нибудь наглым заезжим нахалам. Такое уже случалось

не раз. Как с теми придурками из Великих Лук, к примеру. Эх, были же времена...

Мы направились между стройными рядами автомобилей куда-то в дальний угол гаража. Тут и там слышались грохот, лязг и людские голоса – работа технарей не прекращалась ни на минуту. Время от времени попадались патрульные. Их было немало – для потенциального противника здесь целый Клондайк...

Змей решил не брать автомобили. Вместо этого он привел нас к четырем вездеходам-амфибиям «Арго».

– Заводите вон те, крытые, – приказал Виктор, – живее!

Вскоре заревели двигатели, и три вездехода выкатились из общего ряда. Меня усадили на переднее сиденье одной из машин, рядом с водителем. Сам Витя сел в этот же «Арго». Рядом с ним, прямо позади меня, уселся один из стражей, держа руку на кобуре с пистолетом. Боятся, что сбегу по дороге, гляди-ка...

– Ну, с Богом, – произнес Змей.

Я усмехнулся, благо мое лицо скрывал противогаз. Не верю я в Бога. Хотя в Форпосте лучше не говорить этого вслух.

Часовых явно предупредили заранее, потому что, когда мы подъехали к выезду, ворота уже были открыты. Мимо проплыли сложенные из бетонных блоков укрепления, промелькнули и скрылись очертания грозных «Кордов», всегда готовых к бою. Исчезли фигуры стражей, застывших, словно изваяния, при виде нашего кортежа. Мы наконец-то вырва-

лись наружу.

Солнце... Я не видел его одиннадцать месяцев. Хорошо, что сейчас облачно, иначе совсем бы ослеп. И так глаза резало сильно, несмотря на темные окуляры противогаза. И все же, как здорово снова очутиться под открытым небом! Ощутить простор небесного купола, увидеть цветущие деревья и травы. Жаль, резиновый «хобот» нельзя снять. Очень хочется почувствовать на лице ветер, вдохнуть полной грудью...

Нельзя. Я заключен под стражу.

С первых же минут стало ясно, почему Витька выбрал именно «Арго». Видимо, несколько дней подряд шли проливные дожди, отчего дорога до Истры превратилась в раскисшее болото. Асфальт? Он давно уже растрескался и размылся, так что грунтовки с изредка попадающими в них кусками дорожного полотна стали обыденностью. Вездехоты немилосердно трясло, скорость не превышала пятнадцати километров в час. Ну и ладно, зато хоть поглазеть на природу успею. А что трясет, так это мелочи жизни...

Полюбоваться было на что. Хоть ядерная катастрофа и немилосердно исказила, изуродовала флору, но среди зарослей кривых и чахлых кустиков на обочинах Георгиевского шоссе порой попадались изумительной красоты цветы. Немало было и деревьев-великанов с толстыми и причудливо выкрученными стволами. И ведь среди них нет ни одного одинакового. Будто матушка-природа решила поприкалываться и в порыве творческого вдохновения создала из обыч-

ного леса нечто, ей самой непонятное.

Странные все же мы, люди. Вот я, например. Обычно мне плевать, где я – в тесной комнатухе два на два или в просторной зале, на суше или на море, на земле или под землей. Но порой мне сильно хочется нырнуть в другую стихию и насытиться ею сполна.

Вот и сейчас у меня возникло безумное желание спрыгнуть с вездехода и бродить в этих зарослях до полного изнеможения. Гладить стволы деревьев, часами любоваться каждым из них, наблюдать за жизнью. Искажённой, не очень красивой, но все же жизнью. Безо всяких Змеев, Брусиловских, и вообще безо всяких людей.

Нельзя...

Очарование стало сходить на нет, когда мы проехали Пятницкое шоссе и свернули на трассу А-107. В Форпосте эту дорогу обычно зовут тропой смерти. Правда, здесь нет никаких чудищ, аномалий или просто лихих людей. Здесь нет живности вовсе. А все дело в огромных, достигающих порой четырех метров в высоту цветах – борщевиках. Вот эти-то растения нисколько не красивы, ни капельки. Зато они смертельно опасны. Еще до войны их сок, попав на кожу, вызывал сильные химические ожоги, а уж сейчас это сравнимо с окунанием в серную кислоту. А если эту дрянь поджечь, то никакого химического оружия не потребуется – вся округа гарантированно вымрет. А уж если кто-то шибко умный решит съесть хотя бы крохотный кусочек борщевика...

Цветы смерти густо росли по обеим сторонам дороги, практически полностью вытеснив остальные деревья. Их стволы сплошной стеной тянулись, куда хватало глаз, огромные сочные листья то и дело загораживали обзор, белые зонтики с семенами свешивались прямо над головами. Хоть у «Арго» и крытый кузов, но все равно так и тянуло пригнуться пониже. Дорога заметно сузилась. Автомобиль здесь банально не проехал бы. Приходилось протискиваться между стволами борщевиков, то и дело врезаясь в огромные листья.

Единственный плюс – скорость движения вездеходов хоть немного, но увеличилась – здесь грунт был суше. А-107 мы проехали быстро. До Рычкова мы добрались раньше чем за планируемые мной полтора часа.

От деревни, находившейся здесь двадцать лет назад, не осталось ничего. В домах, построенных до ядерной войны, жить стало невозможно. Они были слишком уж разбросаны по местности, и обеспечить защиту от мутантов было бы весьма проблематично. Да и повышенный радиационный фон давал о себе знать. Поэтому людям из подмосковных деревень и сел пришлось рыть землянки достаточно близко друг к другу и обносить новые жилища частоколом. Все старые строения разобрали на дрова и на стройматериалы. Современный населенный пункт Форпоста – это мини-крепость с забором в два человеческих роста, КПП и вышками охраны.

После небольшой возни у дубовых ворот на въезде (страж – идиот, в упор своих не признавал) нас отправили в душевую для профилактической дезактивации. Мы не нахватались дорожной пыли, но страховка есть страховка... Все три «Арго» были отданы стражам, которые тут же загнали их внутрь.

Наконец мы в Рычкове. Сразу же за дверью душевой нас встретил сам старейшина деревни.

– Милорды, – произнес он, учтиво кланяясь, – мы рады, что вы прибыли так скоро. Пройдемте за мной, вас уже ожидают.

Мы двинулись за ним мимо крестьянских землянок, огородов-теплиц, небольшого храма по центру села. Наша цель – приземистое длинное здание на противоположной окраине. Казарма. Интересно, а хватит ли нам там места, или придется располагаться на постой в домах местных жителей? Или нас сразу отправят на охоту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.